

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**КОНЦЕПЦИЯ «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»
И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В
ТВОРЧЕСТВЕ М. ПРИШВИНА**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031355 группы
Абитовой Алины Александровны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Жиленков А.И.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Художественное своеобразие творчества М. Пришвина	10
1.1. Образ родной природы.....	10
1.2. Динамичная картина взаимосвязи природы и человека.....	17
1.3. Образы животных в поэтической картине мира.....	30
1.4. Художественное (научно-поэтическое) познание природы.....	33
Глава II. Концепция «человек и природа» в произведениях М. Пришвина	49
2.1. Эстетическое восприятие человеком природы.....	49
2.2. Природа и духовный мир человека.....	64
2.3. Тема защита природы.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
Список литературы	79
Приложение	83

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа посвящена рассмотрению концепции «человек и природа» и ее художественного воплощения в творчестве М. Пришвина».

Творческое наследие Михаила Михайловича Пришвина (1873 – 1954) занимает особое место в русской литературе. Повести, очерки писателя, полные глубоких философских раздумий о природе, о человеке, короткие рассказы и публицистические выступления содержат удивительные эстетические открытия, приобщают к чарующей земной красоте, вызывают в душе человека светлые чувства, пробуждают творческую мысль. От первого произведения «В краю непуганых птиц» и до последнего «Корабельная чаша» – все книги М. Пришвина – итог неустанных поисков. Талантливый художник, великолепный знаток природы, он показывал читателям красоту окружающего мира, в образах и картинах своих произведений раскрывал единство человека и природы. В этом проявилось своеобразное дарование и новаторство писателя-пейзажиста, художественно раскрывшего диалектическую связь и единство природного и общественного миров.

Великий русский писатель М. Горький еще в 20-е гг. XX в. по достоинству оценил самобытную прозу М. Пришвина, изображавшего природу как часть человеческого общества, а человека как часть природы. М. Горький писал: «Вы делаете огромное дело, которое не скоро будет понято и почувствовано...» [Горький 1949-1955: 29, 477]. Это было сказано в 1926 г.

Теперь М. Пришвин – общепризнанный классик отечественной литературы. Те вопросы, которые поставил писатель и на которые в яркой поэтической форме ответил своими книгами, постоянно будут волновать людей глубиной мысли и широтой взглядов.

Произведения М. Пришвина чрезвычайно современны. Он как художник стремился познать природу, открыть средствами искусства

сложные и многообразные законы ее развития. Писатель хотел постичь закономерные связи между процессами, происходящими в природе и в общественной жизни. Сегодня, когда разум человека проник в глубины материи, когда в небывалых масштабах используются материалы и энергия природы, как никогда остро встал вопрос об отношениях человека и естественной среды.

Опираясь на достижения русской и мировой классики, писатель с новых идейно-эстетических позиций подошел к изображению природы, к постижению ее взаимодействия с человеком, обществом. В наше время проблема «человек и природа» для многих русских писателей сделалась предметом глубоких философских раздумий и обобщений, имеющих непосредственное отношение к судьбам Родины и дальнейшего развития человечества.

Природа в произведениях М. Пришвина нередко выступает как своеобразное действующее лицо, определяющее развитие сюжета. Это подчеркивается даже названиями произведений: «Жень-шень», «Календарь природы», «Глаза земли», «Корабельная чаща» и т. д.

Структура «Человек – общество – природа» трактуется писателем как единство, развивающееся на основе всеобщего закона связи всех его составляющих. Главный предмет изображения в произведениях М. Пришвина – отношение человека к природе. Тем самым писатель еще в 20 – 30-е гг. XX в. художественно решал один из самых злободневных вопросов эпохи.

Народный учитель и агроном, географ-краевед и этнограф, опытнейший охотник, постигший тонкие, профессиональные тайны искусства егеря и звероведа, фенолога и ботаника, и прежде всего – замечательный художник слова, пытливо вглядывающийся в изменяющийся лик своей Родины, – таким предстает перед нами М. Пришвин.

Популяризатор естественных знаний, действительный член Географического общества, он создал замечательный дневник природы,

охватывающий огромные пространства страны – от Европейского Севера до самых отдаленных районов Тихоокеанского побережья, – в котором детально прослежены временные и сезонные циклы жизни растений и животных – от крошечных ростков болотного лишайника до мачтовых сосен корабельной чащи, от землеройки, «самого маленького зверька» лесов средней полосы России, до красавца «оленя-цветка» Приамурской тайги.

По нашему мнению, наблюдения М. Пришвина-естествоиспытателя не теряют с годами не только познавательного, но и научного значения. И в то же время произведения М. Пришвина-художника несут в себе огромный эстетический и этический потенциал. Писатель всегда стремился «искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой» [Пришвин 1965: 5, 468].

М. Пришвин постоянно художественно исследовал и доносил до читателей великое нравственное воздействие мира природы на человека. Но одновременно он открывал красоту преобразующего воздействия человека на мир природы, их сотворчество. «Дорога к другу» – так назвал писатель свою итоговую книгу. Дорогой к читателю было все творчество М. Пришвина. Этим определяется характер творчества писателя. Своими произведениями писатель утверждал: «Природа не враг, не раба, а друг твой, учись видеть и понимать ее жизнь и брать у нее разумно».

Внутренний мир героев своих произведений М. Пришвин раскрывает в процессе ежедневного их общения с природой, многообразие и красота которой рождает в них раздумья о смысле жизни и назначении человека. Именно благодаря этому его книги развивают у читателя способность чувствовать и воспринимать многообразие явлений природы и искусства, стремление к личному совершенству.

Произведения М. Пришвина учат не только восхищаться красотой окружающего мира, но и утверждать ее всюду и во всем, начиная с отношения к природе, труду, искусству и заканчивая поведением в быту, личной жизни, семье. Мы считаем, что в этом, прежде всего, заключается

сила идейно-эстетического воздействия творчества М. Пришвина на читателя. Видеть природу и понимать ее, охранять ее, уметь трудиться и любить свой труд – вот что всегда привлекало читателя в произведениях самобытного художника слова. Все эти идейно-эстетические ценности, выраженные М. Пришвиным в яркой художественной форме, помогают читателям приобщаться к бесконечному многообразию земной красоты, развивать способность творчески решать задачи повседневной жизни.

Целью исследования становится анализ художественного воплощения концепции «человек и природа» в творчестве М. Пришвина.

Исходя из поставленной цели, сформулируем **задачи** выпускной квалификационной работы, которые состоят в следующем:

- рассмотрение художественного своеобразия творчества М. Пришвина,
- определение специфики концепции «человек и природа» в творчестве М. Пришвина.

Объектом исследования стали прозаические произведения различных жанров М. Пришвина.

Предмет исследования состоит в выявлении концепции «человек и природа» и способов ее художественного воплощения в художественной системе писателя.

Методы исследования – историко-генетический и сравнительно-исторический.

Творчеству М. Пришвина посвящено немало исследований, в которых рассмотрен его самобытный талант и в достаточной мере полно освещен творческий путь М. Пришвина, прослежено развитие его художественного таланта, выявлены особенности поэтического дарования.

Но мы считаем, что до сих пор он остается одним из самых «неоткрытых» художников слова. Полностью сбылось предсказание М. Горького, писавшего Пришвину в 1926 году: «Вы теперь, в этот день, утверждаете совершенно оправданный, крепко Вами обоснованный геооптимизм, тот самый, который – рано или поздно – человечество должно

будет принять как свою религию <...>. Вы делаете огромное дело, которое не скоро будет понято и почувствовано». М. Горький предрек в будущем длительную жизнь пришвинским книгам и одновременно высказал мысль, что истинный смысл творческого наследия писателя во всей его глубине может быть понят не скоро.

Углубленное исследование творчества М. Пришвина началось после смерти писателя. В 1959 году выходит в свет монография Т.Ю. Хмельницкой «Творчество Михаила Пришвина», в которой подведены итоги творческого пути писателя, проанализирована его идейно-художественная эволюция, впервые обращено внимание на философичность творчества. Как новаторская особенность Пришвина-художника в искусстве отмечено чувство родственной связи человека с миром природы, присущее его произведениям и обусловившее их уникальность.

Все монографические исследования 60-70-х годов XX века (работы А.И. Хайлова, Г.А. Ершова, И.П. Мотяшова, М.Ф. Пахомовой, Л.М. Шаталовой и др.) близки по жанру к очерку творчества: посвящены рассмотрению творческого пути М. Пришвина, его «этапных» произведений, начиная с книги «В краю непуганых птиц» и заканчивая «Корабельной чашей».

В 80-е годы XX столетия исследователи творчества М. Пришвина заинтересовались проблемами его творческого метода. Авторы исследований сходятся в определении метода Пришвина как реалистического, что не снимает вопроса о романтических свойствах его прозы. О качествах романтического письма Пришвина говорят в своих книгах Г.А. Ершов, Т.Я. Хмельницкая, А.И. Хайлов, И.П. Мотяшов.

80-90-е годы XX в. отмечены возрастающим интересом к наследию М. Пришвина, о чем свидетельствуют регулярно проводимые Пришвинские чтения, выпуск книги «Воспоминания о Михаиле Пришвине» (М., 1991), ряда научных сборников: «М.М. Пришвин в вузе и школе» (Воронеж, 1986), «Творчество М.М. Пришвина: Исследования и материалы» (Воронеж, 1986),

«Михаил Пришвин и русская культура XX века» (Тюмень, 1998), публикация значительного числа статей, посвященных наиболее актуальным проблемам изучения пришвинского наследия.

Монографических исследований издано в эти годы значительно меньше, чем в предыдущие два десятилетия, но творчество писателя в них рассматривается в широком историко-литературном и теоретико-литературном контексте, они отличаются проблемным характером и представляют значительную научную ценность. Так, в исследованиях А.Л. Киселева преимущественное внимание уделяется нравственно-этическим и эстетическим аспектам творческого наследия Пришвина в связи с традициями русской классической литературы. В книге В.В. Агеносова «Творчество М. Пришвина и советский философский роман» (1988) рассматривается романное творчество писателя в единстве проблем и идей-образов, способов организации пространства и времени, выявляются типологические связи философской прозы Пришвина с прозой предшественников и современников писателя. Т.Я. Гринфельд-Зингурс в книге «Природа в художественном мире М.М. Пришвина» (1989) обращается к темам философии природы, поэтики пейзажа, стиля, традиций в изображении природы.

Современное пришвиноведение обнаружило немало перспективных подходов к изучению творческого наследия писателя. Исследование феномена М.М. Пришвина находится в фокусе научных интересов не только литературоведов, но и философов, этнографов, лингвистов, культурологов, что «объясняется особенностями творческого пути писателя, в котором отразилась трагическая эпоха в истории России, её культуры и цивилизации» [Лишова: 2012, 3].

В конце XX – начале XXI вв. значительно расширился круг исследователей, которые акцентировали внимание на вопросах поэтики, жанра, стилистики, образно-композиционной структуры пришвинских произведений. Весьма актуальным стало изучение творчества Пришвина в

контексте русской литературы начала XX века (Н. Дворцова), в контексте христианской культуры (Г. Климова), философии природы (Т. Гринфельд, Р. Соколова). В центре внимания современного пришвиноведения – художественная мифология Пришвина (Г. Гачев, В. Кожинов, Н. Борисова, Н. Иванов, А. Дырдин), содержание и структура художественного мышления Пришвина (З. Холодова), философские основы пришвинского дискурса (В. Агеносов, А. Подоксенов, А. Дырдин, С. Семенова, Е. Яблоков, О. Ковыршина).

Самые разные аспекты художественного мирообраза Пришвина нашли отражение в работах А. Варламова, Ф. Апановича, Э. Бальбурова, Л. Тагильцевой, Т. Давыдовой, О. Машкиной, И. Минераловой, П. Гончарова, И. Новоселовой, Ю. Ольховской, Т. Степановой, Г. Токаревой, Ю. Мохнаткиной, М. Шемякиной, О. Крамарь, П. Гончарова, А. Колядиной, Г. Охотниковой и др.

В работе рассматриваются проблемы изображения отношений человека и природы, осмысления особенностей творчества М. Пришвина с позиций современного литературоведения, а также современного взгляда на творчество М. Пришвина. В этом, по нашему мнению, заключается **актуальность** дипломного исследования.

Апробация результатов исследования проходила на Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2019» (НИУ «БелГУ», апрель 2019 года).

Структура. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения, в котором представлен конспект урока по теме «М.М. Пришвин. «Кладовая солнца». Особенности композиции и жанра».

ГЛАВА I.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА М. ПРИШВИНА

1.1. Образ родной природы

В 1920-е годы М. Пришвин писал М. Горькому, что человека «без земли и неба» он не признает, а литература, лишенная связи с родной природой, по его мнению, не отражает полноту бытия.

Большое место поэтому в творчестве Пришвина уделяется изображению родной природы, ее пейзажей.

«Пейзажи М.М. Пришвина уникальны по насыщенности материей, – отмечает Т.Я. Гринфельд-Зингурс. – Они конкретны и пластичны, благодаря чему и лирико-философское повествование, стихия чувств, и логика размышлений воспринимаются зримо, достоверно, в изобилии выразительных «предметов», чудесных «мелочей» и неожиданных подробностей из «быта» флоры и фауны» [Гринфельд-Зингурс 1989: 129].

Наиболее живописные полотна М. Пришвина связаны с родной природой, среднерусским подстепьем.

М. Пришвин – писатель, чувствующий гармоничность природы родного края. Прекрасно, что зреет рожь, «отдельные колоски зацветают», что «великаны колосья маячат на высоких соломинах», что «бесхвостая сорока села на ближайшее дерево, все другие прилетели к ней».

Иногда образы родной природы навевают воспоминания о произведениях искусства, созданных человеком: «Хмель местами вовсе обвил ольху и черемуху, и одна зеленая ветвь, пробиваясь из-под хмеля, старого, прошлогоднего, была похожа на Лаокоона, обвитого змеями» [Пришвин 1979: 327].

Природе присуще чувство соразмерности и ритма: «Есть в природе постоянное стремление к ритму. Бывает, встанешь рано, выйдешь на росу, радость охватит и тут решаешь, что надо каждое утро так выходить. Почему же каждое? Потому что волна идет за волной...» [Там же: 307].

Живописность изображения родной природы М. Пришвиным связана с общей тенденцией искусства I пол. XX века – запечатление наряду с гражданскими идеями сознание жизненной ценности и собственной вечной значимости окружающего мира. Природа «переносилась на полотна осязаемо и с уважением к ней» [Гринфельд-Зингурс 1989: 130].

Так, В.Д. Поленов «никогда не пренебрегал отделкой деталей». И.И. Шишкина за удивительную верность матери считали портретистом-психологом природы: он писал реальный облик лесных стволов, «изображенных трещинами-морщинками». И.Е. Репин писал в воспоминаниях «Далекое и близкое»: «Мой главный принцип в живописи: материя как таковая». Общеизвестны слова К.А. Савицкого о «Корабельной роще» И.И. Шишкина: «...сосной на выставке запахло! Солнца, свету прибыло!». К.А. Савицкий, страстно защищая в картинах Шишкина эпичность и торжественность, также заинтересованно отстаивал физическую точность отражения.

М.М. Пришвин воспринимал природу родного края в четких и ясных контурах. В тщательности вырисовки картин природы его можно сравнить с И.И. Шишкиным. «Мое настоящее искусство – живопись, – говорил Пришвин – но я не могу рисовать, и то, что должно быть изображено линиями и красками, я стараюсь делать словами, подбирая из слов цветистее, из фраз то прямые, как стены древних храмов, то гибкие, как в завитках рококо» [Пришвин 1968: 8].

Стремясь показать красоту родной природы, ее насыщенность красками, Пришвин создает живописные картины в своих повестях и миниатюрах. «Разольется река и неодетые деревья там и тут верхушками торчат из-под воды, и на этих сучках собирается столько всяких маленьких темных зверушек, что иная веточка от них кажется похожей на гроздь черного винограда» [Пришвин 1991: 137]; «Соберитесь в себе до конца в лесной тишине, и тогда, может быть, усмотрите, как, напряженным лбом своим белым и мокрым под красным, ярко-желтым или лиловым платочком,

поднимает сыроежка над собой земляной потолок с мохом, хвоинками, веточками и ягодками брусники»[Там же: 312].

Чувственно воспринимаемая природа все более приближается к человеку, создается иллюзия ощущения материального. Это и есть тот эффект, которого добивается автор, устанавливая родственные отношения с миром средней полосы России.

Поэтому, по мысли Т.Я. Гринфельд-Зингурс, «природа, благодаря верному глазу художника и его «терпеливым раскопкам», воссоздается земной, с ощущаемой массой, весом, с пятнами и щербатинами, иногда ясной и светлой, иногда с ужасным холодом и гримасой распадков и оврагов, народной и узнанной» [Гринфельд-Зингурс 1989: 141].

Хорошо зная природу родного края, Пришвин описывал в своих произведениях мельчайшие ее детали – травинки, хвоинки, веточки, насекомых: «Какое чудесное утро: и роса, и грибы, и птицы... Но только ведь это уже осень. Березки желтеют, трепетная осина шепчет: «Нет опоры в поэзии: роса высохнет, птицы улетят, тугие грибы все развалятся в прах... Нет опоры...». И так надо мне эту разлуку принять и куда-то лететь вместе с листьями» [Пришвин 1979: 141].

Описание природы среднерусского подстепья требовало от Пришвина неярких, приглушенных красок. Это тоже было отчасти связано с тенденциями реалистического изображения действительности в русском искусстве I пол. XX века. «Отказываясь от парадных звучных красок классицистов, они [художники-реалисты] приближали искусство к действительности, писали серые облака, родные сумерки и пасмурные окрестности» [Гринфельд-Зингурс 1989: 184].

Устоявшаяся манера Пришвина в изображении цвета – определенность, основные цвета, отсутствие сложенных оттенков. Редко можно прочесть у него переливчато-сине-зеленом жучке, о неожиданной для средней России оранжевой заре, на которой отпечатались силуэты избышек, овинов, лозин. Как отмечает Н.В. Борисова, «цветовая палитра Пришвина глубоко

символична и, несомненно, подчинена художественному замыслу» [Борисова 1996: 91].

Т.Я. Гринфельд-Зингурс сопоставляет цветовую гамму в пейзажах М.М. Пришвина и К.Г. Паустовского [Гринфельд-Зингурс 1989: 150]. Симфония красок К.Г. Паустовского говорит о том, что автор воспринимает среду не только романтически яркой, звонко-звучной, но и продолжает в своей прозе живописные традиции И.А. Бунина. Певец светлых начал и романтических характеров, К.Г. Паустовский был его сторонником преимущественно ярких красок. По мнению ученых, сравнивающих цветовые и световые эпитеты, М.М. Пришвин следовал народной разговорной манере определять цвета, К.Г. Паустовский же вырос в литературных традициях.

Цвет при изображении природы может меняться в зависимости от того, взглядом какого героя он открыт. Так, показателен момент смены цвета в восприятии персонажа – Алпатова в романе «Кашеева цепь» и автора. Алпатов, мечтая в тюрьме о скором освобождении и о встрече с «невестой», даже через решетку видит мир природы в изысканных тонах: снег матовый, лес шоколадный. И рядом слышен авторский голос, схватывающий цвет и смысл точно, вне какой бы то ни было красоты: опустились сизые тучи, пошел мелкий дождь, «и на окнах тюрьмы показались первые серые слезы весны» [Пришвин 1984: 239]. Серые слезы – здесь и цвет, и идея. Образ многозначен.

Иногда при изображении родной природы у Пришвина встречаются обозначения цвета, похожие на постоянные эпитеты, как в народных песнях: «В лесу пестро: где белое, где черное, на черном виднеются зеленые листики» [Пришвин 1979: 301]. Ели цветут красными свечами и пылят желтой мучицей» [Там же: 307].

У Пришвина в произведениях о родной природе часты обозначения черный – белый – красный.

По мнению Л.В. Зубовой, «...выделение группы белое – черное –

красное свойственно и символике первобытных ритуалов, и философии христианства, унаследовавшей и преобразовавшей некоторые элементы языческой символики» [Зубова 1989: 110].

Количественное преобладание белого, красного и черного прослеживается в самых разнообразных сферах проявления русского национального сознания.

Замечено, что самыми частотными цветами русского народного костюма являются красный и белый.

Красный был символом солнца и огня, символом радости и скорби (ср. в народных песнях «белый цветик» – символ неразделенной любви).

Но в женских костюмах для сенокоса он был посланцем «красного солнца», символом его союза с землей.

Тот же цвет, олицетворяющий праздник и радость, в темных и тусклых оттенках получал значение символа скорби. Например, на Рязанской земле в день похорон женщине полагалось быть в поневе из ткани красно-бурого цвета – цвета застывшей крови.

Белый цвет, наряду с красным, является самым частотным в расцветке традиционного народного костюма.

Если красный был символом солнца, радости и веселья (речь идет о чистом красном цвете), то белый – это цвет снега, покрывающего саваном землю. Белый цвет – это символ смерти. Белым платком покрывали голову и почти всю фигуру невесты, потому, что считалось, что замужество – это принципиально новый этап жизни женщины, еще неведомой, а потому пугающей.

Л. Ефимова отмечает, что «одежда из белого холста с вышивкой белыми нитями, как и белый домотканый платок, была обрядовой «горючей» одеждой: в ней хоронили, в белых платьях ходили на кладбище [Ефимова 1989: 125].

Третий по частности цвет – черный. Воронежские рубахи – детали женского крестьянского костюма – расшивались черными нитями. Ученые

полагают, что это удивительное пристрастие к черному цвету, характерное для отдельных местностей Воронежской и Тамбовской губерний, восходит, по-видимому, к весьма древним пластам культуры (в костюмах южных славян, в частности, в болгарском, тоже использовалась вышивка черным цветом). Это связывалось с культом матери-земли.

Генетическая память нации до настоящего времени сохранила первоначальное значение составляющих рассматриваемой триады. Анализируемые цвета, которые на протяжении тысячелетий обрастали множеством символических значений, являются самыми частотными у большинства русских писателей и поэтов, в том числе и у Пришвина.

Видя в родной природе человека, Пришвин создает антропоморфные образы: «Возле меня стояла береза на обнаженных корнях, как на шести ногах. Две ноги впереди, две позади, а середина той и другой стороны каждая раздваивалась, и между ногами росла наполненная водой белая сыроежка» [Пришвин 1979: 316]; «Нижняя огромная еловая ветвь в поисках света кругом обогнула ствол березы и, выглянув на ту сторону, нашла там маленькую ель-белолопку и накрыла ее от морозов и солнечных ожогов: она искала свет для себя, а вышло на пользу маленькой дочки [Там же 321]. Метафора пронизывает всю миниатюру.

«Специфика пришвинского метафорического образа в том, что материал его – особый и всегда один, – отмечает Г.П. Трефилова. – Писатель, всю жизнь известный как путешественник, открыватель того, что невидимо для нас происходит рядом – в лесу и в поле, на болоте и на озере, в любой части родной страны, именно знание русской природы использовал для создания своего образа. «Мне необходимо нужен какой-нибудь кончик природы, похожий на человека», – говорил Пришвин» [Трефилова 1968: 220]: «С утра до вечера дождь, ветер, холод. Слышал не раз от женщин, потерявших любимых людей, что глаза у человека будто умирают иногда раньше сознания, случается, умирающий даже и скажет: «что-то, милые мои, не вижу вас» – это значит, глаза умерли и в следующее мгновение, может

быть, откажется повиноваться язык. Вот так и озеро у моих ног, в народных поверьях озера – это глаза умерли, и тут вот уж я знаю там, наверное, – эти глаза раньше всего умирают и чувствуют умирание света, и в то время, когда в лесу только-только начинается красивая борьба за свет, когда кроны иных деревьев вспыхивают пламенем и, кажется, сами собою светятся, вода лежит как бы мертвая и веет от нее могилой с холодными рыбами» [Пришвин 1981: 138].

Вряд ли еще у кого-нибудь «природная метафора» фигурирует так часто и разработана с такой тщательностью, как у Пришвина. Мышление этого художника в своей первооснове есть мышление образами природы.

«Реализм, которым занимаюсь я, – писал Пришвин в одной из своих миниатюр, – есть видение души человека в образах природы.

Аналогия, взятая из жизни природы и приобретающая переносный, метафорический характер, оказывается в произведениях писателя инструментом познания и объяснения мыслей автора или душевных движений героя.

«Пришвин не только чувствовал и понимал явления родной природы, – отмечает К.Н. Давыдов. – Наша русская природа нашла в нем передатчика своих настроений. Его мятущаяся душа сливалась с душой природы, проникалась ее порывами, ее размахом. Читая Пришвина, каждый невольно почувствует, что автор говорит языком природы, мыслит ее мыслями. Живя всеми своими чувствами в связи с природой, Пришвин в то же время ставил себе основной задачей искать в природе прекрасные черты человеческой души. «Человеческое от природы неотделимо, – говорил он, – она есть часть человеческого общества.» «Я пишу о природе, а сам только о человеке и думаю» [Давыдов 1991: 37]. Сам хорошо зная родные поля и леса, особенности их растительного и животного мира, Пришвин призывает к созерцанию и соучастию читателя – своего земляка, того человека, который, как и он, внимателен к красотам природы: «Все, кто ходил по еловому лесу, знают – корни у елки в землю не погружаются, а плоско, как бы на блюде,

лежат» [Пришвин 1979: 316].

Пришвин считал, что человек должен прислуживаться к окружающему миру, чтобы научиться жить в дружбе с самим собой. Человеку должно быть присуще «активное сознание эволюции природы и мира, когда человек признается ответственным за ее дальнейший ход».

Пришвин призывал, чтобы каждый человек охранял родную природу, оберегал и защищал ее.

Окружающая Пришвина жизнь была сложной: жесткой и радостной. Радость приносила сопричастность к миру природы, ее красоте, что впоследствии стало важной темой пришвинского творчества. Пейзаж, его первозданность, его красота составляли дивную прелесть жизни писателя. Естественность природы запечатлевалась в слове, откладывалась навсегда в душе, чтобы затем стать мотивами рассказов, романа «Кашеева цепь» и других произведений.

Жажда творчества, талант заставляли Пришвина постоянно обращаться к образам природы. Корни великих литературных открытий уходят в родную почву, в ее поэтическую первозданность и глубину.

Образ родного края был наполнен у М. Пришвина поэзией и питал его творчество.

1.2. Динамичная картина взаимосвязи природы и человека

За М. Пришвиным прочно закрепилось имя «певца природы». Природа для него была и материалом, и творческой лабораторией, и живой средой, доставлявшей ему радость бытия, вдохновлявшей на творчество. Он превосходно знал природу, чувствовал и понимал малейшие изменения и движения в ней, глубоко проникал в сложные взаимосвязи, в которых находится природа в процессе своего развития. Мастерство М. Пришвина, как писателя, обладающего большими знаниями и умениями живо передавать тончайшие проявления жизни природы, очень метко определил К. Паустовский. «Для таких мастеров, как Пришвин, – писал он, – мало

одной жизни, – для мастеров, что могут написать целую поэму о каждом слетающем с дерева листе. А этих листьев падает неисчислимое множество» [Паустовский 1956: 1, 6].

В произведениях М. Пришвина нарисованы поразительно верные картины природы. Один за другим в них разворачиваются великолепные пейзажи, воссоздающие флору и фауну нашей страны. Здесь Север и Дальний Восток, Центральная Россия и Казахстан; но больше всего его привлекает Север и Дальний Восток. Писателя влекла на Север и в Уссурийскую тайгу жажда познания природы, где она сохранилась в ее первозданности, и желание поведать о познанном своему читателю.

М. Пришвин рисует природу с самых различных сторон – хозяйственной, научно-философской, эстетической. Часто он показывает ее как материальную среду, являющуюся основой человеческого существования. В ранних своих произведениях – в цикле очерков «В краю непуганых птиц» – писатель изображает природу в основном с позиций хозяйственного к ней отношения, воспроизводит ее как бы глазами сельского труженика. Даже там, где он показывает суровую природу Севера, чувствуется, что она представлена через восприятие крестьянина, с большим трудом добывающего себе хлеб насущный. Здесь на первом месте – утилитарно-практическое отношение к материальной среде. Но это вовсе не говорит о том, что у тружеников, жителей этих суровых мест, отсутствует эстетический подход к природе.

Вот один из наиболее ярких отрывков из цикла очерков «В краю непуганых птиц», воспроизводящих главным образом утилитарно-практический взгляд северян на природу: «Сенокос на Севере – совсем не то, что в южных, счастливых местах. Луга такие жалкие, что сначала не веришь глазам: неужели эта низенькая трава, не более четверти аршина высотой, стоит трудов? Но оказывается, что как раз эта-та жалкая трава и есть самая хорошая «земная трава». Она состоит не из кислых осок, а из сладких злаков, которые охотно ест скот. Но бывает, что в «водливые годы», то есть когда

сильно разливается озеро, и этой травы не бывает, родится одна *кортяха*, то есть хвощ. Эту кортяху скот уже ни в коем случае без муки есть не станет, а мука – продукт дорогой, большей частью привозной... «Бодливые годы», которые так ухудшают пожни, происходят от переполнения Выг-озера, которое не успевает переливаться через падуны в реку Выг» [Пришвин 1956: 2, 71].

Да и сено это добывается в трудных условиях короткого северного лета; трудных потому, что в этих местах, сплошь покрытых болотами, летом бывает видимо-невидимо комаров. Косцы вынуждены работать в «комарниках», прикрываяющих лицо, иначе «было бы невозможно выдержать пытку. Хоть вопи», – говорят косцы» [Там же, 72].

Повествование здесь органически вбирает в себя многие признаки разговорной речи – разговорную интонацию, разговорную лексику, характерную для населения Севера. Авторская речь максимально приближена к речи героев. Надо сказать, что такая манера повествования характерна и для ряда других произведений М. Пришвина («Черный араб», «Жень-шень», «Кладовая солнца», «Корабельная чаша»).

М. Пришвин напряженно искал пути к настоящему искусству, ставя перед собой задачу средствами художественного слова изображать многообразные связи человека с природой, с тем, чтобы воспитывать у читателей чувство бережного отношения к природе, без которого нельзя себе представить гармонически развитую личность.

Писатель уже в начале 20-х гг. XX в. публикует первые части романа «Кашеева цепь», создает замечательные очерки «Календарь природы», которые занимают особое место в русской литературе. В них М. Пришвин показывает не только многообразие природы, различные проявления жизни в ней, но и ведет подробные записи, какие изменения происходят в природе в течение всех четырех времен года, как ведет себя растительный и животный мир в изменяющихся условиях существования, как влияет на него смена сезонов, суточный цикл, изменения в погоде и т. п.

В книге очерков «Календарь природы» М. Пришвин даст подробные описания процесса оживления природы под животворными лучами весеннего солнца, пышного расцвета и созревания растительного мира в течение лета, постепенного его увядания, погружения в зимнюю спячку осенью и наступления внешнего полного спокойствия в зимнюю пору. Рисуя эти изменения, писатель сообщает нам множество сведений из жизни растений и животных. Как правило, он изображает повседневные, самые обыденные явления, происходящие в природе, с которыми мы часто сталкиваемся, но не вникаем в их суть.

В природе все связано сотнями невидимых нитей. Так, этапы наступления весны М. Пришвин исчисляет большей частью по прилету птиц, затем – тетеревиному и глухаринному току. С удивительной точностью показывает художник-натуралист обновление природы в весеннюю пору: «От прилета зябликов до кукушки проходит вся краса нашей весны, тончайшая и сложная, как причудливое сплетение ветвей неодетой березы. За это время растает снег, умчатся воды, зазеленеет и покроется первыми, самыми нам дорогими цветами земля, потрескаются смолистые почки на тополях, раскроются ароматные клейкие зеленые листики, и тут прилетает кукушка. Тогда только, после всего прекрасного, все скажут: «Началась весна! Какая прелесть!» [Пришвин 1956: 3, 37].

М. Пришвин нарисовал очаровательную картину прихода весны. Ее ждали герои долгими зимними вечерами, и каждый нередко вспоминал какую-либо весну, больше всего оставившую память о себе. Всякий человек по-своему любит это время года. Кому-то оно дорого гомоном прилетевших пернатых, кому-то шумным ледоходом на небольших степных речках. Охотникам любо то время, когда глухари начинают ток. У многих весна вызывает прилив жизненных сил, восхищение, неведомую радость, когда леса и луга покрываются яркой сочной зеленью, ласкающей глаз, радующей как начало пробуждения растительного мира после долгой зимней спячки. Все это превосходно воспроизвёл М. Пришвин в «Календаре природы».

В приведенном выше отрывке писатель изобразил основные этапы наступления весны. Приход весны воспроизводится им разными поэтическими средствами: здесь и зрительные впечатления, и слуховые эффекты («потрескаются смолистые почки на тополях»). Благодаря такой художественной выразительности перед мысленным взором читателя встает живая, движущаяся картина обновления природы в весеннюю пору.

Весна никогда не повторяет сама себя. Каждый год она приносит нам что-либо новое, до того неведомое, восхищая и радуя людей прекрасным зрелищем. Эта неповторимость в природе точно и тонко запечатлена в произведениях М. Пришвина, внимательного наблюдателя и знатока природы. Он весь погружен в природу. Об этом чувстве слитности с природой он писал не раз: «Сегодня я чувствовал жизнь природы всю целиком, и мне не нужно отдельных названий. Со всей этой летающей, плавающей, бегающей тварью я чувствую родственную связь, и для каждого в душе есть образ-памятка, всплывающий теперь в моей крови через миллионы лет: все это было во мне, гляди только и узнавай» [Пришвин 1956: 3, 35]. Здесь природа воспроизводится не только как объективная реальность, среда, где люди живут, трудятся, но и нечто более значительное и близкое самому писателю. М. Пришвин утверждает идею единства человека и природы.

У растений и животных весной всегда много забот. М. Пришвин выразительно воспроизвел процессы обновления, происходящие в природе весной. «Свечи на соснах стали далеко заметны. Рожь в коленах. Роскошно одеты деревья, высокие травы, цветы. Птицы ранней весной замирают: самцы, линия, забились в крепкие места, самки говеют на гнездах. Звери заняты поисками пищи для молодых» [Там же: 60-61].

В этом небольшом описании М. Пришвин сказал о животных главное: все они заняты одним делом – живут, растут, заботятся, чтобы поддерживать и осуществлять вечный процесс развития, обновления. Писатель здесь не дает подробного описания пробуждения природы. Он в этом процессе

подчеркивает лишь самое существенное. Картинность и богатое содержание в приведенном отрывке достигнуты благодаря тому, что в каждом из названных явлений писатель отмечает лишь наиболее характерное для данного этапа их развития.

М. Пришвин описывает не только отдельные явления живого мира, но и вводит читателя в тайники природы. Мы ощущаем каждое дыхание весны, как бы видим все этапы пробуждения природы под лучами живительного солнца. Вот проталины, ручьи – первые признаки наступающей весны, а вот уже забурлила в оврагах вешняя вода, взбухли реки, затрещал и тронулся лед. Вслед за этим просыпается к жизни земля, но она не сразу приступает к своему извечно повторяющемуся творчеству, она ждет, когда солнце согреет застывшую за зиму твердь, когда пройдут первые весенние теплые дожди. Тогда земля начинает покрываться первой изумительно яркой, глаз ласкающей зеленью. Весной воздух прозрачный. Он в эту пору бывает особенно чист и жизнотворен.

Вот как рисует М. Пришвин весеннее пробуждение леса: «Между молодыми деревьями трава, цветы, – нигде я не встречал так много анемонов и фиалок. Но чудесна тут белая, выбитая человеческими ногами тропа; теперь она вьется среди бесчисленных, раскрывающих почки кустарников черемухи, орешников и молодые берез. Порхает бабочка-лимонница. Сколько великого счастья – пройти по такой тропе!.. Вот старый березовый пенек, и на нем растет маленькая бойкая елочка. Возле этого пня желанные сморчки. Берешь их, а зяблик так и рассыпается» [Пришвин 1956: 3, 52].

Чтобы точно и предельно емко передать движение времени и природы, М. Пришвин обычно прибегает к сжатым синтаксическим конструкциям. Благодаря такому лаконизму писателю удается создать движущуюся картину природы, точно воспроизвести переходные моменты, переживаемые растительным и животным миром на стыке времен года – зимы и весны, лета и осени и т.д. Вот как изображается им приход осени: «Дожди вовсе замучили хозяев. Стрижи давно улетели. Ласточки табуняются в полях. Было

уже два мороза. Липы все пожелтели сверху и донизу. Картофель тоже почернел. Всюду постелили лен. Показался дупель» [Там же: 138].

Здесь каждое предложение помогает писателю воссоздать картину, точно передающую какую-либо особенность или момент наступающей осени. Приход осени М. Пришвин начинает с изображения перемещения, движения птиц. Стрижи уже успели улететь: они теплолюбивы, да и лететь им надо дальше других пернатых. А вот ласточки только еще собираются в стаи, но и они скоро улетят. Немногословно, но выразительно передает художник движение птиц.

Прежде чем описать происходящие осенью изменения у растений, писатель упоминает о двух упавших морозах, ибо только вслед за ними деревья начинают одеваться в свой осенний наряд – «в багрец и золото», а теплолюбивые растения моментально чернеют, побитые первыми морозами,

С приходом осени у поселян появляются новые заботы. Когда хлеба уже обмолочены, а новый урожай – в закромах, луга, что на задах, покрываются льном, настланным для сушки. С этого начинается долгая и многотрудная работа по подготовке льна для пряжи, а потом и тканья лучшего белого холста.

Так писатель создает динамичную картину взаимосвязи жизни природы и жизни человека. М. Пришвин умеет точно передать наиболее существенное в природе, немногими словами нарисовать реалистичную картину ее жизни. Вот картина, запечатлевшая первый зазимок, то есть первые признаки приближающейся зимы. «Ночь тихая, лунная, прихватил мороз, и на первом рассвете выпал зазимок. По голым деревьям бегали белки. Вдали как будто токовал тетерев...

День пестрый, то яркое солнце осветит, то снег летит. В девятом часу утра на болотах еще оставался тонкий слой льда, на пнях самые белые скатерти, и на белом красные листики осины лежат, как кровавые блюдца. Поднялся гаршнеп в болоте и скрылся в метели» [Пришвин 1956: 3, 144].

Здесь М. Пришвин рисует последние недели осени, когда уже на землю

спускается первое дыхание зимы, еще пока отступающей, и когда покидают эти края последние пернатые, чтобы вдалеке от родных мест дожидаться будущей весны. Такие описания природы придают пришвинской прозе черты ярко выраженного лиризма. Природа часто становится как бы участницей радостных и горестных переживаний и раздумий человека, живущего на ее величавых просторах и чувствующего свою слитность с ней. Хотя природа в этом случае представлена с момент осеннего увядания, но сколько прелести, неповторимой красоты в этих описаниях. И опять же примечательно здесь то, что явления движущейся и изменяющейся природы заставляли писателя думать и о человеческой жизни. Крики пролетающих гусей и уток каждый раз волновали художника, заставляли думать о сущности человеческого бытия. «Эта мысль была о том, что вот как отлично это придумано, – не без иронии говорит М. Пришвин, – устроить нам жизнь каждому из нас так, чтобы не очень долго жилось, и нельзя никак успеть все захватить самому, все без остатка, отчего каждому из нас и представляется мир бесконечным в своем разнообразии» [Там же].

В произведениях М. Пришвина наряду с лаконично воссозданными картинами природы нередко встречаются и очень подробные описания. У писателя высоко было развито чувство художественной меры, и оно всегда было подчинено в его творчестве решению поставленной задачи. Там, где следовало проникнуть в глубь изображаемого явления, показать его существенные свойства и связи с другими явлениями, писатель, не жалея красок, передавал самые тонкие оттенки и признаки живой природы. Так, например, с поэтической чуткостью описал М. Пришвин засыпание глухарей, их сон, рассказав о том, какое впечатление это произвело на рассказчика, какие мысли родились в нем. Писатель отмечает, что сон глухаря беспокойный: птица то шевельнется, то почешется, то цокнет. Перед зарей, когда небо начинает едва белеть, глухариный храп прекращается, птицы просыпаются, начинают шевелиться, раскрывают веерообразные хвосты, вновь их собирают, вытягивают длинные шеи, разгоняя дремоту, и начинают

доставать с веток покрасневшие листья осины. М. Пришвин так детально воспроизводит жизнь леса, что перед мысленным взором читателя возникает картина ночного леса со множеством его обитателей, когда все спит и когда в тихую погоду раздаются бесчисленные звуки, издаваемые погруженными в сон обитателями чащи. Рассказчик подкрадывается в темноте к огромному дереву, на котором укладывается ко сну глухариное семейство. Стремление проникнуть в тайны лесной жизни заставляло писателя идти по глухому лесу, переступать через лужи, боясь наступить на сучья, порой стоять на одной ноге, чтобы не растревожить глухарей. Усилия М. Пришвина не пропадали даром: природа щедро открывала свои тайны не только писателю, но и миллионам почитателей его таланта, с которыми он делился своими открытиями, впечатлениями, раздумьями.

Недаром М. Горький, с интересом следивший за развитием художественного таланта М. Пришвина, выделял в качестве важнейшей его особенности как писателя глубокое знание природы и любовь к ней. С большой похвалой писатель отозвался о «Родниках Берендея»: «Я думаю, что такого природолюбца, такого проникательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как Вы, М. М., в нашей литературе – не было. Догадывался я об этом еще во времена «Черного араба», «Колобка», «Края непуганых птиц», окончательно убедился, читая совершенно изумительные «Родники» [Горький, 29, 476]. Он прав: до М. Пришвина не было еще в русской, да и в мировой литературе писателя, так глубоко заинтересованного в изучении жизни природы.

В главе «Этажи леса» из повести «Неодетая весна» М. Пришвин ведет увлекательный рассказ о многоярусной жизни лесного населения. На всех этажах леса обитают живые существа, наводя себе пищу и приют. На самом нижнем (в верхних слоях почвы, у корней деревьев) живут полевки и самые маленькие животные, величиной с наперсток, – землеройки, еще почти не изученные позвоночные, подчеркивает писатель. На среднем этаже живут дупляные птицы, а на верхнем – Птичка-Невеличка: так назвал ее М.

Пришвин за исключительно малую величину.

В небольшой, всего в три странички, главе М. Пришвин великолепно рассказал об экологической системе, формировавшейся в течение тысячелетий на широких просторах лесные массивов. Картины лесной жизни захватывают читателя своей непринужденностью и ясностью повествования. Писатель будто за руку ведет своего читателя в царство природы, открывая перед ним все новые и новые уголки сложного лесного сообщества.

В главе «Жаркий час» той же повести М. Пришвин развернуто рисует последние дни зимы, когда «сплошной белой стеной из желтого неба целые сутки валил... снег, и невидимый скульптор природы целые сутки в лесу лепил на деревьях, на кустах и на пнях свои удивительные фигурки» [Пришвин 1956: 3, 341]. Они были настолько причудливы, что даже два рядом идущих человека осмысливают их по-разному. Перед мысленным взором читателя возникают всевозможные замысловатые фигуры, созданные не руками человека, а животворящей силой природы: будто идешь по скульптурной галерее, фигуры которой на твоих глазах меняют свои очертания.

Идейно-эстетическим стержнем главы является изображение резких перемен, происходящих в природе на стыке времен года – зимы и весны. Снег целые сутки валил сплошной белой стеной, а когда он прекратился, выглянуло по-весеннему яркое солнце; его жаркие лучи растапливали снег, в затапливаемой форме лежащий на пнях, сучьях, ветках, пригнувшихся под его тяжестью к земле. Горячие лучи солнца привели в движение лес: малые, средние и большие деревья одно за другим стряхивали с себя напоенный влагой снег, сбрасывали белые шапки и покрывала, и вставали перед лирическим героем повести, как в сказке, молоденькие красавицы – белые березки. Освобождающиеся от снега деревья раскачивались, схлестывались, напоминая живые существа. «Глухой шум падающих снежных тел, шепот, скрип и треск со всех сторон, при полном отсутствии ветра» [Там же: 343] приводили в движение глухарей, тетеревов, белок, зайцев, лис и других

лесных зверей.

Немногословно, красочно изобразил М. Пришвин процессы изменений в природе под влиянием солнечных лучей. Мастерски сделанные зарисовки изменяющейся природы приобщают читателя к вечно живому процессу постоянного обновления мира природы, открывают неповторимую и пленительную красоту в обыкновенных явлениях окружающей нас флоры и фауны, учат познавать закономерности диалектических связей между всеми формами и ступенями развивающегося мира, пробуждают у читателя чувство прекрасного.

Особое место в творчестве М. Пришвина занимает тайга. В книге очерков «Дорогие звери» (1931) писатель справедливо заметил, что литература пока еще не воспела тайгу во всем ее многообразии и величии. Литература долго оставалась в долгу перед сибирской природой. Сибирь ждала своего художника, который бы правдиво и красочно изобразил красоту и несметные богатства Сибири. Но пришло время, и у тайги нашлись свои художники.

Путешественник, этнограф и писатель В.К. Арсеньев исследовал отдаленные районы Дальнего Востока и сделал замечательные описания богатств и красоты природы этого края. Его художественные произведения («По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу») воспроизводят жизнь Уссурийской тайги и ее обитателей, проникнуты любовью к родному краю.

М. Пришвин за время пребывания на Дальнем Востоке как бы успел заглянуть во все уголки тайги, познакомиться со всеми ее примечательностями, а потом рассказать о ритме ее жизни, о приволье и богатствах, о сложных взаимосвязях растительного и животного мира, о повадках его многочисленных обитателей – от могучего медведя до маленькой обитательницы тайги – землеройки.

Тайга привлекает М. Пришвина не только ее безбрежными и величественными просторами. Она интересует его диалектикой внутренней

жизни. Яркие и красочные описания жизни тайги не оставляют равнодушным никого, кто знакомится с произведениями М. Пришвина. Каждый читатель находит в них интересное и полезное, волнующие его чувства и мысли, вызывающие жажду знания и деяний.

В повести «Жень-шень» (1932) М. Пришвин подробнейшим образом описывает одну из приморских долин с многообразием ее растительного и животного мира, рассказывает о взаимосвязях в царстве живой природы, об изумительно красивых цветах, которыми была покрыта вся долина, а над этими чудесными цветами тоже не менее красивые «летали бабочки, похожие на летающие цветы, желтые с черными и красными пятнами аполлоны, кирпично-красные, с радужными переливами крапивницы и огромные удивительные темно-синие махаоны. Некоторые из них – я тут только это впервые и увидел – могли садиться на воду и плыть, а потом опять поднимались и летели над морем цветов» [Пришвин 1956: 3, 227].

Эти цветы, бабочки и кипучая жизнь долины являют собой яркий пример бурного развития растительного и животного мира этого края. Над долиной, сплошь покрытой цветами, каждый из которых представляет неповторимое чудо природы, кроме прелестных бабочек, реяли над цветами неугомонные пчелы и шустрые осы, с шумом носились по воздуху мохнатые шмели с черным, оранжевым брюшком. «А по земле между цветами всюду юлили проворные жужелицы, ползали черные могильщики, таились огромные реликтовые жуки...» [Там же].

В пейзажных зарисовках М. Пришвин передает гармонию, царящую в живой природе. Достаточно из этого согласованного сочетания разнообразных явлений живой природы изъять одно какое-либо звено, как по цепочке начнет разрушаться тысячелетиями складывавшееся равновесие сил.

С каким предельным вниманием художник вникал в жизнь обитателей тайги, стоящих на самых различных ступенях эволюционной лестницы, как он мог видеть каждое существо в отдельности со всеми присущими ему свойствами и представить все эти существа в единстве, как нерасторжимое

целое! В отдельном явлении природы М. Пришвин видел признак всеобщего, что характерно сотням и тысячам единичных и индивидуальных явлений, – видел, что их объединяет в одно целое и утверждает между ними родственную связь. Писатель глубоко вникал в сущность жизни растительного и животного мира тайги, чтобы представить ее перед читателем как целое, чтобы раскрыть сложную гармонию взаимосвязей между всеми ступенями растительного и животного организмов. Вводя читателя в повседневную лабораторию таежной жизни, М. Пришвин воспитывает у него широту взгляда на окружающий мир, формирует его гражданские чувства.

С большим знанием дела М. Пришвин рисует «сузем», то есть глубокие таежные места, где нет ни человеческого жилья, ни дорог, а есть только едва заметные тропы, по которым за все лето пройдет, быть может, не более двух-трех человек. В обширных таежных лесах нет смешанного леса, как в средней полосе России, где рядом растут сосна, береза, ель, дуб, осина, ольха и т.д. Леса здесь сплошь состоят из одной породы: сосны или ели. Такое явление, по мнению писателя, объясняется тысячелетиями складывавшихся межвидовых отношений в таежных лесах и тем, что эти отношения утверждались без какого-либо вмешательства человека, чисто естественным путем. Один вид занимал обширнейшие территории и не допускал в свои «владения» представителей других видов. Другое дело леса в давно обжитых человеком краях. Здесь на месте вырубок, как правило, произрастают деревья самых различных видов, до определенного возраста, не мешая друг другу, а затем уж приспособливаясь друг к другу и борясь друг с другом за жизненное пространство.

В суземских лесах, как показывает М. Пришвин, деревья составляют густой стройный ряд. Там они «не падают, и если случится, какое-то дерево кончит свой жизненный путь, оно не падает: покачнется и, прислонясь к другому, стоит, как живое» [Пришвин 1956: 5, 213].

Многие люди никогда не видели подобной величественной картины

леса; деревьев, растущих так близко друг к другу, что даже после своей гибели они остаются стоять рядом с собратьями. Описания суземского леса у М. Пришвина вносят определенные коррективы в наши представления о внутривидовых отношениях в растительном мире. Естествознание, как известно, гласит, что между особями одного и того же вида идет борьба за жизненное пространство. Здесь же мы сталкиваемся с другим положением; в суровых климатических условиях Севера для древесной растительности является важным не только жизненное пространство, но и защита от стремительного и пронизывающего ветра. Плотный массив для деревьев этих мест – надежный защитный заслон: чем гуще растут деревья, тем легче им противостоять свирепствующим снежным ураганам со шквальным ветром. Таким образом, писатель сделал интересное открытие в царстве древесной растительности Севера – открытие, имеющее практическое значение.

1.3. Образы животных в поэтической картине мира

У М. Пришвина есть книги, почти целиком посвященные жизни животных. Такими, например, являются очерки «Дорогие звери». В них писатель подробно рассказывает о повадках волков, медведей, песцов, белок, воспроизводит занимательные и смешные истории, которые приключались с охотниками при встрече со зверями. Очерки о волках и медведях М. Пришвин записал из уст сибирского партизана Степана Ярика, большого охотника рассказывать занимательные истории. Вот два небольших очерка о медведях. Эти художественные миниатюры интересны тем, что в них писатель в яркой поэтической форме воссоздает повадки зверей, показывает, как некоторые хищники в критическую для них минуту вынуждены обращаться за помощью к человеку. Однажды к одинокому старику охотнику, жившему в Прибайкальской тайге, забежал в сени медведь, преследуемый стаей волков, и прикрыл за собой лапой дверь. «Дед услышал шум, слез с печи и видит: медведь стоит в сенях и дверь лапой держит. Глянул в окно, а там волки, сила несметная» [Пришвин 1956: 2, 582].

Медведь не испугался человека, он остался в сених, видимо, надеясь найти в старике союзника. Дед осторожно попятился к стене, где висели ружья, ласково приговаривая: «Миша, Миша, погоди!» Кое-как добрался старик до ружья, наладил его, конечно, не в медведя, а на волков; ударил в волка, а сам медведю: «Миша, Миша, погоди!» Медведь же сразу понял, что дед бьет по волкам. Девять волков было убито, другие все разбежались» [Там же]. После этого случая медведь стал жить в избушке с дедом. Что это: сказка или быль? Видимо, это быль, похожая на сказку, она свидетельствует о мирном характере этого могучего зверя и о его находчивости. Сибирский партизан Ярик рассказал о том, что у них в отряде жил прирученный медведь, которого научили подносить снаряды к пушкам.

Много интересного М. Пришвин сообщает из жизни оленей. Писатель подробно рассказывает о поре гона. Именно в это время полнее проявляется характер и особенности каждого животного. Здесь мы узнаем о поведении рогачей (матерых самцов), о времени и месте гона.

Определенный интерес представляют также описания взаимоотношений диких и прирученных оленей. Оказывается, олени, прирученные человеком, крайне неприязненно относятся к своим диким сородичам. Они не только не приемлют их в свое стадо, но и стремятся изгнать из своих «законных владений». Особенно это проявляется во время подкормки животных.

«Однажды, – записывает М. Пришвин со слов научного сотрудника парка Г.Д. Дулькейта, – в снежную зиму каким-то образом в парк проник дикий олень; он был, конечно, голоден, быть может, умирал с голоду, а парковым оленям была дана подкормка, и они ели у кормушек кукурузу. Завидев дикого, все они бросились к нему и прогнали» [Пришвин 1956: 2, 637].

Какие побуждения заставляют парковых оленей отгонять диких? Вот один из вопросов, поставленных перед естествоиспытателями художником слова. И, конечно же, решение этого вопроса имеет научно-практическое

значение, а может быть, даже явится разгадкой определенной тайны мира животных.

М. Пришвин, казалось бы, говорит о самых обыденных явлениях из жизни животных, но внимательный читатель много поучительного извлечет из наблюдений М. Пришвина за жизнью, повадками пушных зверей. В книге «Дорогие звери» рассказывается о заселении острова Фуругельм голубыми песцами. Они были привезены тремя партиями с острова Сахалин и Командорских островов – 27 самок и 23 самца. До появления этих пушных зверей остров был «...девственной пустыней, населенной несметными стаями морских чаек, бакланов, чистяков, каменушек и других морских птиц» [Там же, 657]. Весной на этом острове скалы бывают покрыты белыми и красными розами, поэтому с моря они кажутся розовыми от цветущих азалий. На таком маленьком островке и поселили песцов. Нрав у них своеобразный. Самой характерной чертой этих зверей является исключительная способность к воровству и к накоплению пищевых запасов. Эта особенность, как замечает писатель, выступает даже во внешнем их облике, подчеркивается маленькими неприятными желтыми глазами. Песец все видит этими глазами и все увиденное стремится немедленно «превратить» в свою собственность.

На последних страницах сборника очерков «Дорогие звери» М. Пришвин рассказывает о птицах, рыбах. Мы узнаем, что перелетные птицы казарки весной прилетают по одному маршруту, а осенью улетают по другому. Чем это объясняется? Опять загадка природы, которая ждет своего решения.

С глубоким знанием описана М. Пришвиным в очерках сложная и многоликая жизнь тайги, где каждый вид растений и животных находится в самых разнообразных связях с другими и обуславливает друг друга. Жизнь таких ценных пушных зверей, как белка, соболь, куница, зависит от кедровых лесов: звери кормятся орехами кедра. Писатель сообщает любопытные, а в хозяйственном отношении весьма важные сведения: «Если бывает неурожай ореха, белка спешит вон из тайги, и птицы-кедровки

улетают далеко за Урал, в Европейскую часть Союза, и мы здесь по кедровке за восемь месяцев до беличьего промысла можем предсказать, что нет ореха в тайге, и не будет, значит, белки» [Пришвин 1956: 2, 571].

В очерках «Дорогие звери» М. Пришвин проявил удивительный дар видеть и чувствовать природу. Он любит природу не как дилетант, а как человек, прекрасно разбирающийся в ее многообразной жизни, поэтому изображает ее не только в эстетически выразительных картинах, а воспроизводит как ученый-исследователь во всех ее проявлениях. Восхитительно красивые виды нетронутой природы, девственная тайга с ее бесчисленными обитателями, жизнь и повадки зверей, прирученных животных, хозяйственные заботы жителей этих мест – все превращается у М. Пришвина в поэзию. Именно поэтому подробные описания из жизни природы становятся понятны читателю, обогащают его, развивают наблюдательность, пробуждают чувство прекрасного, а в итоге – способствуют формированию гармонически развитой личности. Особенностью художественной манеры очерков является и то, что писатель не употребляет изысканные выражения, он повествует пластично, безукоризненным слогом, именно поэтому книга производит на читателя сильное впечатление, доставляет ему радость открытий.

1.4. Художественное (научно-поэтическое) познание природы

Задачей искусства М. Пришвин считал познание мира посредством изображения отдельных его явлений, показывая в каждом из них проявление общих закономерностей. М. Пришвина-художника всегда вдохновляла «колумбовая страсть к открытиям, к творчеству, к нахождению красоты... в самых обыкновенных явлениях жизни», как очень верно подметил один из первых исследователей творчества писателя» [Замошкин 1940: 228]. Эта страсть с годами превратилась в осознанную потребность писателя – открывателя тайн природы. М. Пришвин дал читателям замечательные произведения, в образах и картинах которых утверждается мысль о том, что

природа становилась понятной человеку потому, что он, научившись читать ее неписаную книгу, стал находить родственные с ней связи.

Искусство тем и ценно, что оно, вторгаясь в глубины жизни, воссоздает явления в их неповторимой индивидуальности и целостности и в то же время в индивидуальном воплощает общие закономерности жизни. Познание предметов материального мира в диалектическом единстве, в движении и развитии, является существенной особенностью искусства.

В «Календаре природы» М. Пришвин высказал мысль о том, что главная задача писателя – правдивое отражение действительности, существующей независимо от познающего субъекта. В практике своего творчества М. Пришвин исходил из глубоко осознанных им положений, согласно которым «мир существует и без человека. Больше всех это должен знать художник, и непереносимое условие его творчества *забываться* так, чтобы верилось в существование вещей живых и мертвых без себя» [Пришвин 1956: 3, 36].

По мнению М. Пришвина, художник в отражении мира идет впереди ученого, он создает наиболее общие и целостные модели изображаемой им действительности. Он писал: «Мне кажется, что наука только доделывает уже лично восстановленный художником образ утраты. Так, если художник, сливаясь в существе своем с птицей, окрыляет мечту – и мы с ним мысленно летаем, то скоро является ученый со своими вычислениями – и мы летим на механических крыльях» [Там же].

Писатель, создавая образ большой обобщающей силы, показывает также динамику жизни, выявляет действие ее основных закономерностей, которые определяют обстоятельства, формирующие данный типический образ. Всем этим и измеряется философская глубина, обобщающая сила и непреходящая ценность бессмертных художественных образов мировой литературы.

М. Пришвин высоко ценил познавательную роль литературы, будучи естествоиспытателем, он настойчиво работал «в области сближения науки с

искусством» [Пришвин, 3, 43].

Природа, как для ученого, так и для художника – прежде всего материальная среда. Писатель обращается ко всем сторонам жизни природы и стремится доступными ему средствами проникнуть в ее тайны, исследовать ее существенные стороны, установить сложные взаимоотношения между ее явлениями.

М. Пришвин глубоко проникал в сущность природных явлений, «копался» в самых затаенных ей уголках. И об этом он писал: «Лесная книга дается только тем, кто хочет читать ее без всякой осязаемой пользы для себя или корысти, даже нужен тебе гриб или орех, и то будет мешать тебе, и не хватит внимания вникнуть в ход лесной жизни» [Пришвин 1956: 3, 415]. По отношению к природе М. Пришвин редко становился на утилитарную точку зрения. На первом плане у него всегда был познавательный и эстетический интерес. Именно поэтому ему удалось создать яркие поэтические картины, рассказывающие о сложных законах жизни природы. Самые, казалось бы, незначительные явления внешнего мира он воссоздал средствами зрелой поэзии. Эту особенность его творческого наследия метко охарактеризовал К. Паустовский: «...я хочу рассказать об одном случае, когда одна строчка Пришвина объяснила мне то явление природы, что до тех пор казалось мне случайным. И не только объяснила, но и наполнила его ясной и, я бы сказал, закономерной красотой.

Я давно заметил в обширных заливных лугах на Оке, что цветы местами как бы собраны в отдельные пышные куртины, а местами среди обычных трав вдруг тянется извилистая лента сплошных одинаковых цветов.

Я годами наблюдал высокие и душистые ленты цветов, восхищался ими, но не знал, чем объяснить это явление.

И вот у Пришвина во «Временах года» я, наконец, нашел объяснение в изумительной по ясности и прелести строке, в крошечном отрывке под названием «Реки цветов»: «Там, где мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов».

Я прочел это и сразу понял, что богатые полосы цветов выростали именно там, где весной проносилась полая вода, оставляя после себя плодородный ил. Эта была как бы цветочная карта весенних потоков» [Паустовский 1956: 1, 11-12].

Почти в каждом произведении М. Пришвина встречаются яркие и немногословные описания, повествования о тех или иных процессах, взаимодействиях и взаимосвязях многих предметов природы друг с другом, в итоге которых возникает в окружающем нас мире какое-либо новое явление. Много таких тонких наблюдений, зрелых и глубоких выводов о сложной жизни природы встречается в очерках «Дорогие звери». «Реки Западной Сибири, – сообщает писатель, – надо представлять себе как громадные осушительные каналы, влекущие болотную воду в океан; чем севернее, там почва болотистее, так что рекам этим течь, течь и не вынести болотную воду до «второго пришествия» [Пришвин 1956: 2, 572].

Чтобы прийти к такому заключению, писателю надо было не только многое видеть в этом крае, но и обладать большим даром предвидения, способностью соединять воедино бесконечное множество взаимообуславливающих явлений, процессов природы, представляя их как единый комплекс, и улавливать наиболее общие тенденции и закономерности, которые характеризуют или определяют биогеографическое лицо данной местности. Именно поэтому мы ощущаем, что пейзажные зарисовки М. Пришвина как бы созданы и художником и ученым-естествоиспытателем. По своей манере выражать существенные стороны жизни природы приведенный выше отрывок – художественная проза, а по степени и особенностям проникновения в тайны явлений и процессов реального мира, ясности и силе обобщения – это чистейший образец научного сочинения.

Что ни шаг в глубь природы, то перед пытливым умом обязательно возникает вопрос: чем объясняется данное явление? Нередко сам писатель дает разъяснение неразгаданным до него явлениям природы, но часто он

оказывается бессильным перед скрытыми тайнами, случается – лишь высказывает свои догадки. Общеизвестно, что галки сопутствуют осенью грачам, вместе с грачами собираются в стаи, а во время отлета грачей даже провожают их. Писатель вопрошает: «Где бы это узнать, почему галки всегда провожают грачей?» [Пришвин 1956: 3, 146]. М. Пришвин, высказывает на этот счет два своих предположения. Первое связано с далекими геологическими изменениями: с начавшимся охлаждением некогда теплых северных и средних широт. Он пишет: «...птичья душа, как волна: в их быту какой-нибудь толчок передается из рода в род, как волна волне передает удар камня, брошенного в воду. Вот, может быть, при первом толчке грачи и галки собирались было вместе лететь, но грачи улетели, а галки раздумали. И так до сих пор из рода в род они повторяют одно и то же: соберутся вместе лететь и вернутся назад, когда проводят грачей.

Но может быть и еще проще: так недавно еще мы узнали, что некоторые из наших ворон являются перелетными. Почему же и некоторые из галок не могут улетать вместе с грачами?» [Там же].

На первый взгляд, это простой вопрос, не имеющий какого-либо научно-практического значения. Однако это не совсем так. Научное объяснение этого явления послужило бы обоснованием для еще более глубокого проникновения в закономерности взаимоотношений близких друг другу видов животных.

Как видим, писатель выступает здесь, прежде всего, как естествоиспытатель. Каждое его произведение заставляет нас думать о том, сколько еще тайн природы предстоит разгадать человеку. Но М. Пришвин не был бы художником, если бы не искал и не находил в этих тайнах глубокий эстетический и этический смысл. Он не просто описывает «туманную радугу», он помогает нам увидеть красоту этого необычайного природного явления. И не случайно, говоря о проходах галками грачей, упоминает о «птичьей душе». Постигание гармонии природы неизменно приносит радость людям, побуждает их к душевному единению с «братьями

меньшими». «Так я и понимаю природу, как зеркало души человека, – писал М. Пришвин, – и зверю, и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл» [Пришвин 1956: 5, 468].

Из очерков «Северный лес» (1936) мы узнаем, что тетерева токуют только в ясное утро, а если перед рассветом разлетаются, то обязательно на восходе пойдет дождь. Птицы чувствуют, что начинать ток нельзя: скоро пойдет дождь. Художник зафиксировал явление, выяснение сути которого представляет большой научный интерес. Как, с помощью каких органов птицы предчувствуют непогоду и как устроен этот орган? Научно истолковать эти вопросы – значит получить возможность, используя образцы природы, создавать уникальные приборы, определяющие перемены в погоде. Нетрудно представить, какую выгоду получило бы человечество, изучив глубоко это уникальное природное явление и создав на этой основе «умный прибор», предвидящий погоду.

В тех же очерках из уст охотника Николая мы узнаем, что перед рассветом бывает особенно темно. Сгустилась темнота – жди скорого рассвета. И опять вопрос. Какими же световыми эффектами создается данное явление в предрассветный час? Но здесь важно и другое. Эта верная и давно установленная примета, которую М. Пришвину поведал охотник, натолкнула писателя на размышления о своей жизни. В ней были и трудные минуты, и когда в душе становилось темно от тягот жизни, писатель повторял себе: «Темно перед светом» [Пришвин 1956: 2, 711]. Значит, скоро сойдет с души печаль, как вместо густой предрассветной темени приходит рассвет. Явление природы натолкнуло художника на размышления о своей, человеческой жизни, в которой, как и в природе, бывает всякое: горести и печали, радости и подъемы душевного настроения. Через состояние природы писатель постигает свой внутренний мир, динамику души.

М. Пришвин стремится найти разгадку всякой тайны природы. Чтобы докопаться до истины, нужны неустанные поиски. Вот писатель увидел в лесу муравейник с большим углублением. Тетерева, по его наблюдениям, так

не раскапывают муравейники. Значит, какое-то другое, лесное существо проникло вглубь муравьиного царства. Рассказчику «очень досадно бывает уходить, не решив лесной загадки, и так это часто бывает: тысячи вопросов ставит природа, а справиться негде, кроме как только в своей собственной голове» [Пришвин 1956: 3, 133]. Оставленный без ответа вопрос М. Пришвин запоминал, веря, что придет время и в том же лесу будет найден ответ, только надо искать, изучать тайны природы. Иной раз проходят годы, пока другой случай не приведет к нужному ответу.

В «Календаре природы» М. Пришвин приводит ряд подобного рода примеров: «Помню, раз стал передо мною в юности вопрос: отчего начинаются болотные кочки? Читал дома книги, и все ответы мне не нравились: причин указывалось множество, а все как-то неясно и предположительно. Раз я сел отдохнуть на лесной вырубке. Вокруг были пни на сыром месте, и между пнями на большом пространстве начался свежий моховой покров. И везде весь этот лунно-зеленый покров был небольшими бугорками. Я подумал: «Вот первое начало кочек!»... но где же причина этому началу? Тут сама рука помогла: взял я один бугорок, снял с него моховой покров, а под ним оказалось старое гнилое березовое полено, то полено и было причиной мохового бугорка» [Там же: 134].

Решение вопроса неизвестным образом взрытого муравейника тоже пришло потом, на отдыхе. Его открыл рассказчику дятел, который долго сидел на вершине высокой сосны, не подозревая, что поблизости отдыхает человек. Дятел опустился на тот самый муравейник, в котором было сделано кем-то большое отверстие. Ответ был найден: «Дятел забрался в отверстие муравейника и принялся там воевать, добывая себе какое-то пропитание» [Там же].

М. Пришвин повествует не только о загадках и тайнах природы, открытых им самим в процессе постоянного общения с растительным и животным миром или уже известных узкому кругу специалистов, но, пожалуй, самое главное, он учит нас своими произведениями быть

проницательными, не проходить мимо хотя бы малейшего приметного явления, искать решение загадки в самой же природе, где все сплетено в единое целое. И читатель благодарен ему за эту науку: ведь умение читать неписаную книгу природы – величайшее счастье, добытое человеком в результате настойчивых поисков, постоянных наблюдений за всем живым, что окружает нас.

В «Лесной капели» (1943) М. Пришвин ярко описывает преобразующую деятельность лесного ручья. На пути ручья много всяких преград, но они не могут остановить его стремительного бега. Всего-навсего ручей, а силы в нем неудержимы, «даже если встретится гора, пусть и такая, как Эльбрус, он разрежет пополам Эльбрус, а рано ли, поздно ли, – добежит» [Там же: 2, 403] до свободной воды океана. Но главное, на что обращает свое внимание писатель при описании вечной устремленности ручья, – это творящее начало воды. Ручей, сдержанно и тихо журча, несет свои воды через леса и луга, вымоины и поляны, завалы и широкие низины и питает своей живительной влагой все, что попадает на пути его бега. Ручей дает жизнь не только растительному царству, но и животным. Вот он выбежал из глухого леса на поляну и разлился широким плесом, и в прозрачной его воде резвятся головастики, над плесом носятся во множестве всякие насекомые, в воде плавают жучки.

М. Пришвин почти в каждом изображаемом явлении находит нечто особенное, интересное. И это тоже благотворно действует на читателя, развивает наблюдательность, обогащает ум и сердце.

Вот миниатюрная главка из «Лесной капели»: она называется «Первый мороз» и состоит всего из десяти строчек. Но строки эти покоряют нас своей свежестью. Писатель сумел передать самые разнообразные, краски, оттенки, связи и взаимодействия в природе: «Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лег первый мороз. Все было седое, но лужи не замерзли. Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такой сильной росой, такими светящимися узорами глянули из темного леса ветки

елей, что на эту отделку не хватило бы алмазов всей нашей земли» [Пришвин 1956: 3, 473]. В этом отрывке все просто, нет здесь пышных эпитетов, сложных метафор, и тем не менее мы видим алмазно сверкающую картину природы, ласкающую наш глаз, радующую сердце.

Этот сам по себе небольшой кусочек пришвинской прозы слит из целого ряда миниатюрных картинок, последовательно и органически связанных одна с другой, а вместе они воссоздают почти физически осязаемый процесс смены ночи и дня в пору наступающей осени, когда в ясные лунные ночи ложатся первые морозы, а потом под лучами восходящего солнца исчезает седина на траве и деревьях, превращаясь в мириады светящихся алмазных капелек. Так писатель создал яркую поэтическую картину природы.

М. Пришвин никогда не остается равнодушным по отношению к изображаемому. В его описаниях природы чувствуется горячее сердце и мысль художника. Пейзажи в произведениях писателя эстетически выразительны потому, что в них мастерски воспроизведены процессы жизни в бесконечных явлениях движущейся природы, и потому, что в них сообщается читателю определенное настроение, дается оценка изображаемому. Поэтому пришвинский пейзаж читатель не только видит и слышит, но и чувствует, и в этом одна из особенностей его словесной живописи природы.

М. Пришвин добивался исключительной динамичности и полноты в воспроизведении жизни природы. Он отбирал самые существенные явления и предметы. Рассмотрим с этой точки зрения приведенную выше небольшую главу. Вот какие значительные детали и картины отбирает писатель, чтобы с предельной ясностью передать приход дня в пору начинающейся осени: «Ночь прошла под большой чистой луной...». Это первая законченная деталь. Автор искусно избегает длиннот; сочетанием «чистой луной» сказано, что ночь была тихой, на небе – ни облачка. И далее закономерно следует: «к утру лег первый мороз», не «ударил», а «лег первый мороз». Именно в такие

ясные ночи приходят первые осенние морозы. Это вторая существенная деталь цельной картины.

А сколько в произведениях М. Пришвина примет, несущих в себе тысячелетний опыт и мудрость народа: «Ячмень сеют, когда молодой скворец голову в окошке показывает», «Зацветает рябина, и кончается весна, а когда рябина покраснеет, кончится лето...» [Там же: 476].

В произведениях М. Пришвина изображается много и загадочных явлений природы. Особенно в этом отношении отличаются очерки «Лесная капель». «Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые раскрываются часов в десять» [Там же: 465]. Интересное явление природы. Чем же это объясняется? Может быть, тем, что в желтых лилиях, поглощающих больше лучей света, обмен веществ, движение сока, необходимое для раскрытия лепестков, начинается раньше, – размышляет писатель.

Великолепные картины природы могли родиться только у художника, превосходно разбиравшегося в сложной жизни природы, овладевшего всем богатством народного языка. Читая книги М. Пришвина, начинаешь испытывать такое чувство, будто идешь по дремучему лесу и слышишь журчание его родников, шелест листьев, неугомонное пение птиц, – по лесу, где ты все будто видишь в первый раз и начинаешь испытывать опьяняющую радость от открытий, которые сделал для тебя писатель и которые теперь стали и твоим достоянием, и погружаешься в раздумья о сложности, красоте, величии царства природы.

М. Пришвин замечал даже самые, казалось бы, неуловимые особенности жизни животных и растений, слышал и различал, что каждая певчая птица одного и того же вида поет на свой лад, имеет свой неповторимый голос. «Первый раз обратил внимание, – говорит писатель, – что иволги поют на разные лады» [Там же: 382]. М. Пришвин-художник, безусловно, прав, когда он говорит, что «в природе именно все лично, вплоть до самых законов природы: даже и эти законы изменяются в живой природе»

[Там же]. В этом суждении писателя содержится большой философский смысл: художественно утверждается мысль о том, что в природе, где все течет и изменяется, находится в постоянном движении и развитии, каждое живое явление представляет собой нечто неповторимое, оригинальное, не похожее на другие. Неповторимость, «личность» каждого явления природы есть результат бесконечного развития и совершенствования растительного и животного мира, достигаемого в процессе естественного отбора.

В природе, по мнению М. Пришвина, все неповторимо, и все новое в ней есть закономерно необходимый момент развития и в то же время – результат этого развития. Если бы особи одного и того же вида были абсолютно похожи друг на друга по строению, цвету, запаху и т. д., то есть по всем внешним и внутренним биологическим данным, то в природе царил бы хаос. Птицы не могли бы различать своих птенцов, млекопитающие были бы лишены возможности распознавать в массе стада своих детенышей. Эти моменты в животном мире играют большую роль в общей системе эволюции: без них немыслимо представить себе заботу о потомстве, воспроизводство. В природе действует очень сложный механизм, создающий каждый организм по законам неповторимости, различия. От простейших организмов до самых высокоорганизованных существ – все особи животных имеют свое неповторимое лицо. Как справедливо отмечал М. Пришвин, даже законы природы неповторимы, потому что и они находятся в состоянии движения и изменения.

Очерки «В краю непуганых птиц» – художественная беллетристика, однако в них содержится множество сведений по географии и этнографии. М. Пришвин дает великолепные описания самых различных явлений природы, рельефа, климата северных районов нашей страны. Вот один из отрывков, рассказывающих о ландшафте этих мест: «... Мы пересекли в косом направлении Масельгский хребет – высшую точку подъема. Этот хребет есть водораздел Балтийского и Беломорского бассейнов.

С этого места, если бы только можно было видеть так далеко,

открылась бы грандиозная каменная терраса со ступенями назад, к Балтийскому морю, и вперед, к Белому. Величественные озера – ступени этой гигантской двойной лестницы – переливаются одно в другое шумящими реками и водопадами. Назад узкая лента Долгих гор переливается Повенчанкой в Онежское озеро. Многоводное Онего по Свири стекает в круглую Ладожскую котловину, по-старинному озеру Неву, а оно по коротенькой Неве спускается к Балтийскому морю. Впереди тоже ряд озер: Матк-озеро, Телекинское, Выг-озеро со множеством островков; последнее тремя живописными водопадами переливается в стремительный Выг и стекает к Белому морю. У подножья первого склона террасы – Петербург, а у другого – Ледовитый океан, полярная пустыня» [Пришвин 1956: 2, 27].

Что это – художественный пейзаж или географическое описание рельефа одного из участков нашей земли, раскинувшегося между Балтийским и Белым морями? Да, это и художественный пейзаж, и в то же время это яркое географическое описание, имеющее большое познавательное и эстетическое значение.

Писатель сообщает любопытные сведения о далеких геологических периодах, когда Балтийское море и Ледовитый океан соединялись в единый водный простор и огромные льдины Скандинавского ледника плавали по океану, таяли на мелях и «оставляли всю массу камней, которую увлекали с собой, спускаясь с гор» [Пришвин 1956: 2, 28]. Интересны в познавательном отношении мысли писателя-географа о процессах образования кряжей, которые в этих местах встречаются во множестве в виде параллельно расположенных гряд.

В произведениях М. Пришвина поэзия и наука слиты воедино. Именно эти качества его произведений сейчас все больше и больше завоевывают сердца читателей, в том числе и активных вершителей современной научно-технической революции.

Поэтично говорит М. Пришвин о радостях, испытанных им от сознания, что он постиг за свою жизнь чарующую красоту природы,

пробуждающегося весеннего леса, наполненного звуками поющих дроздов, бормотанием тетеревов, стонами желны и т. д. «И как я счастлив теперь сознавать, что понимаю теперь песенку любой птицы, следы всех зверюшек, много-много знаю вокруг, и от этого знания не только ничего не разрушилось в лесных чарах, но так окрепло, уплотнилось, что слилось со всем лучшим моего природного существа, и как будто я все это навсегда, как дар, получил в свое вечное владение» [Пришвин 1956: 2, 695]. Восторженное состояние художника, вызванное красотой и бесконечным многообразием лесного населения и радостным сознанием, что он постиг, наконец, многие тайны живого мира, передается читателю, пробуждает в нем желание идти за писателем, чтобы увидеть и понять красоту вечно развивающейся природы, самому услышать пленительные звуки весеннего леса. Именно за это М. Горький высоко ценил поэзию М. Пришвина: «Прекрасно и оздоравливающее – освежающе – действует Ваше слово крупнейшего поэта и великого жизнелюбца» [Горький: 30, 351].

Проницательный художник опытом своей жизни утверждал мысль о том, что обширные знания законов природы обогащают человека духовно, учат видеть и понимать гармонию жизни, развивают одно из высоких и совершенных чувств, когда человек пленительную власть природы над собой начинает сравнивать и связывать со всем лучшим, что есть в нем. Только человек, понявший сложную жизнь природы, полюбивший ее, способен творчески относиться к ней.

Познание мира для М. Пришвина – сложный диалектический процесс. В общении с природой человек как бы заново открывает и самого себя, причем подчас с неожиданной стороны, глубже проникает в свой собственный внутренний мир. Постоянное и вдумчивое общение с природой дает мощный стимул человеческим переживаниям, его думам о собственном прошлом, настоящем и будущем, глубокой и трезвой оценке своего места в мире, в человеческом обществе. Именно с таких идейно-эстетических позиций писатель художественно исследует многообразие отношений

человека и природы, ищет пути и формы образного осмысления действительности.

Обостренное чувство единения человека с природой, также своеобразно «очеловеченной» писателем, особенно ярко выявляется в произведениях М. Пришвина, посвященных охоте. Охотник-художник чувствует родственное единение с природой, с зверями и птицами. Охота для него – не промысел и не хищническое истребление живого. Он как бы прямо включается в извечный круговорот природы, подчиняясь ее внутренним законам, проникая в глубины «психики» ее обитателей.

По поведению – манере движения, позам, иной раз, по выражению глаз – угадывает писатель внутреннее состояние животного, раскрывает, какое же «чувство» или инстинкт овладел им в данный момент: «страх» или «доверчивость», самоотверженная забота о потомстве или инстинкт самосохранения, подозрительность, желание остаться незамеченным или порой открытость.

Особо интересны наблюдения писателя над повадками и поведением охотничьих собак. В процессе охоты собака и ее хозяин действуют, по мнению писателя, как «единый слаженный механизм», здесь устанавливается между ними и особое взаимопонимание и особые «нравственные взаимоотношения». Пришвин не раз писал, что на охоте он порой испытывал «почти мучительное» чувство зависти к некоторым качествам собаки: ее умению мгновенно, по одним лишь запахам, уловить изменившуюся обстановку, ее абсолютному слиянию и природой, которое уже давно и безвозвратно утратил человек, ее беззаветной преданности хозяину и главному делу своей жизни. И не только собака, но и он сам «душевно страдал» от отсутствия у животного «дара речи», от невозможности полного объяснения друг с другом.

Писатель рассказывает, как он учил охоте щенка Ромку. Достаточно щенку потерять в лесу нарочно спрятавшегося хозяина, как он тут же «теряет самообладание», носится по лесу, выбиваясь из сил, теряя на какое-то время

чутье. Одна надежда – на слух, но длинные уши легавой закрывают ушные раковины... Ромка «пробует склонить голову на сторону – не слышно, на другую – тоже не слышно. И, наконец, понял, в чем дело: он не слышит потому, что заглушает хозяйский звук своим дыханием, исходящим из открытого рта. Закрывает рот, второпях одну губу прихватил, и так слушает с подобранной губой... Природа без хозяина ему кажется теперь как пустыня, где бродят одни только волки, его предки» [Пришвин 1956: 3, 104]. И надо было видеть, какую величайшую радость испытал Ромка, когда вновь обрел хозяина. «Я вышел из куста, – пишет рассказчик, – погладил его, и он бросился в безумной радости с визгом скакать» [Там же: 105].

«Душевная организация» животных, утверждает М. Пришвин, – явление необычайно сложное, не во всем поддающееся расшифровке.

В очерках «Календарь природы» мы читаем: «...у охотничьих собак высшей породы связь с человеком в охоте сильнее голода: как бы ни был голоден Ярик, он бросает еду, если только завидит меня с ружьем. Нашу связь в охоте не может нарушить даже любовь в момент ее самого сильного животного напряжения... Охотничьи собаки потому и охотничьи, что искусство (охота), от которого они ничего себе не получают, им дороже самой могучей, приводящей весь мир в движение страсти» [Там же: 124-125]. К этим выводам писатель пришел в итоге долголетнего опыта, приобретенного во время охотничьих скитаний.

М. Пришвину приходилось видеть животных в самых различных обстоятельствах и ситуациях, когда они проявляли поражающую «находчивость», заставляющую внимательно присматриваться к их «трудовым навыкам», добытым в результате «жизненного опыта».

М. Пришвин передает тончайшие секреты поведения животных. Вот он рассказывает, как дуपляная утка перетаскала всех своих двенадцать утят на воду и вместе со своими детенышами подолгу ныряла, а потом, собрав их, стала перетаскивать по одному обратно в душло. Эта природная «мудрость» была приобретена птицей в течение длительного времени в процессе борьбы

за существование, за сохранение вида. Подобных описаний, тонких свидетельств в произведениях М. Пришвина много, и они еще раз говорят о большой наблюдательности писателя, о его способности и умении глубоко проникать в тайны природы.

ГЛАВА II.

КОНЦЕПЦИЯ «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ПРИШВИНА

2.1. Эстетическое восприятие человеком природы

В произведениях М. Пришвина проблема «человек и природа» решается как важнейшая социальная проблема. Это в значительной мере определило качественно новый характер реализма М. Пришвина, высокохудожественно изобразившего сложные и многообразные отношения человека и естественной среды. Писатель показывает природу с различных точек зрения: и как реальное окружение человека, и как материал труда, и как эстетический объект, и как средство раскрытия человеческих характеров – переживаний, раздумий. В изображении природы писатель продолжил лучшие традиции русской литературы – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого.

А.С. Пушкин наряду с глубоким проникновением в социальные явления, в мир чувств, переживаний и настроений человека показал в своих произведениях и самые разнообразные проявления жизни природы. Великий поэт неизмеримо много сделал для развития реалистического пейзажа. Земля и небо, моря и озера, горы и долины, причудливые узоры цветов, легкий ветерок, скользящий по глади синего моря, молнии и раскаты грома, мрак и слепая лучина, волны, бегущие к берегам и разлетающиеся в брызги от страшных ударов о скалы, тихие и гостеприимные дубравы и «нивы полосаты», шумящий ручей, увядание природы осенью и первые морозы, весеннее тепло и воскрешение растительного мира под живительными лучами солнца – все это отразилось в поэзии Пушкина.

Л.Н. Толстой развил достижения великого предшественника, воспроизведя на страницах своих книг живописные картины русской природы. В соответствии с историческим опытом Толстой показал человека в самых разнообразных его отношениях с естественной средой, в общении с

природой его герои нередко находят путь к истине.

Л.Н. Толстой в яркой художественной форме утвердил мысль о том, что извечные процессы обновления природы всегда будут неиссякаемым источником радости и вдохновения, что они способны поднять в человеке жизненные силы, помочь ему увидеть то, что при обычном течении жизни можно и не заметить.

М. Пришвин продолжил художественное осмысление глубокого и всеобъемлющего воздействия природы на духовный мир человека. В своих произведениях он художественно утвердил мысль о том, что соприкосновение с природой рождает в человеке думы о тайнах и красоте, величии и гармонии мироздания, о смысле жизни и назначении человека.

В «Календаре природы» писатель нарисовал яркие картины природы в осеннюю пору. Раньше всех «умирание света» чувствуют озера, и недаром он называет их «глазами земли». Они первыми «видят» приближение унылой поры осени. Описания осени у М. Пришвина овеяны легкой грустью: природа сбрасывает с себя летний наряд, тронутый первыми морозами и омытый холодными дождями. Со страниц очерков встает осенний образ роняющей слезы матери-земли. Вот он дремлющий лес в дождливую осеннюю пору: «С высоких деревьев падают тяжелые капли на малые, с малых – на кусты, с кустов – на траву и с травы – на сырую землю. Во всем лесу шепоток стоит и выговаривает: мыши, мыши, мыши... Но тихо принимает в себя мать-земля все слезы и напивается ими, все напивается...» [Пришвин 1956: 3, 166].

Увядание природы вызывает печаль в душе человека, потому что он расстается с летом, перелистывает еще одну страницу своей жизни. М. Пришвин очень толко передал согласованность человеческих чувств с совершающимися процессами, изменениями в природе, показал влияние этих перемен на душевную настрой. Даже в самые лучшие дни осени, когда вокруг видны в золото одетые леса, искрящиеся под косыми лучами солнца, «...не бродит внутри тебя весеннее видно и радость не колет: радость теперь

спокойная, как бывает, когда что-нибудь отболит, радуешься, что отболело, и грустно одумаешься: да ведь это же не боль, а сама жизнь прошла...» [Там же: 152].

Тайна притягательной силы прекрасного определяется тем, что оно выступает как достигнутое совершенство, как гармония природы и человеческого бытия. То, что влияние прекрасного на человека всеильно и носит многосторонний характер, художественно осмыслено во многих произведениях М. Пришвина. С особой полнотой и выразительностью идейно-эстетическое видение мира писателя находит свое воплощение в очерковой повести «Жень-шень». Это философское произведение о единстве человека и природы и об их сложных отношениях, заняло особое место в литературе 30-х гг. XX века.

М. Пришвин решал проблему использования и преобразования человеком природы, исходя из своей философской концепции о единстве человека и природы. И это объясняется особенностями его художественного видения мира, его умением рассматривать мир как целое, изображать разносторонние отношения человека к природе: утилитарно-практическое, научно-познавательное, эстетическое.

Писатель обладал острым эстетическим чувством, способностью наслаждаться красотой, которая окружает нас всюду. Он любовался и красотой ярких растений, и чарующей прелестью приближающейся осени, и редким животным миром, населяющим наши леса. Вот как писатель рассказывает в повести «Жень-шень» о встрече с пятнистой оленихой: «...я замер, и она медленно опустила ногу, сделала один и еще один шаг ко мне. Я смотрел ей прямо в глаза, дивился их красоте, то представляя себе такие глаза на лице женщины, то на стебельке, как цветок, как неожиданное открытие среди цветов Зусу-хэ» [Пришвин 1956: 3, 228]. Встреча с красивым животным, метко названном Хуа-лу, что по-русски означает «олень-цветок», вызвала в рассказчике целый поток мыслей и чувств. Он находился на таком расстоянии от Хуа-лу, что мог схватить ее за передние ноги выше копытца,

связать поясным ремнем.

Но встреча с красивым животным пробудила в нем иные чувства, прямо противоположные тем, которые испытывает охотник при встрече со зверем. «Я как охотник был себе самому хорошо известен, но никогда я не думал, не знал... что красота, или что там еще может меня, охотника, связать самого, как оленя, по рукам и ногам. Во мне боролись два человека. Один говорил: «Упустишь мгновенье, никогда оно тебе не возвратится, и ты вечно будешь о нем тосковать. Скорей же хватай, держи, и у тебя будет самка Хуалу, самого красивого в мире животного». Другой голос говорил: «Сиди смирно. Прекрасное мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками» [Там же: 229].

Красота очаровала охотника, взяла верх над всеми другими его чувствами. Чтобы так ярко передать влияние красоты живой природы на человека, надо полюбить ее и понять, почему так велика притягательная сила прекрасного. Красота природы породила в охотнике высокое нравственное чувство. Счастлив тот, кто увидит и поймет красоту, сумеет развить в себе чувство прекрасного, утверждает писатель. Счастлив потому, что такой человек живет полноценной жизнью, он не станет разрушать то, что его окружает повседневно и без чего немислима полная радости и наслаждений жизнь. Любовь к природе – сложный духовный процесс. Она живет лишь в сердцах тех, кто на природу смотрит не как потребитель, а как творец, понимающий себя как неотъемлемую часть всего живого на Земле.

Притягательную и облагораживающую силу чувства прекрасного М. Пришвин подтверждает народной сказкой. Она гласит: Охотник прицелился в лебедя, слышит мольбу не стрелять ее, подождать, охотник удержался, вместо мертвого лебедя потом перед ним явилась живая прекрасная царевна. Таким образом, М. Пришвин в своей философской повести художественно утвердил мысль о том, что осознанная красота природы способна изменить жизнь человека, вызвать в нем прилив жизненных сил, поднять его творческую активность: ведь прекрасное может

открыть перед ним новый мир, выработать новые понятия о своем назначении, о смысле жизни.

Благотворное влияние красоты природы на человека не менее ярко раскрывается в дневниковых записях-миниатюрах «Лесная капель». В «Лесной капели» писатель взволнованно повествует о влиянии весеннего леса на духовный мир человека. Многообразная жизнь леса глубоко взволновала лирического героя, породила в нем мысль о творящем начале природы, о смысле и «корне» человеческого существования. Раскрывая душевную перемену героя, оказавшегося в весеннем лесу, М. Пришвин пишет: «Все серое, дорога рыжая, на окнах первые слезы весны. Я вышел из дому, и как только вступил в лес, душа моя расширилась, и я вышел в большой мир.

Глядя на огромное дерево, я думал о малейшем корешке его под землей, об этом почти волоске с головкой, укрытой чехликом, пробивающем себе извилистый путь в почве в поисках пищи. Да, вот именно это чувство какого-то огромного целого, в котором ты определяешь сейчас назначение твоего личного корешка, и есть именно то, что я почувствовал в лесу, когда вошел в него и обрадовался. И радость моя была похожа совсем на радость при восходе солнца» [Пришвин 1956: 3, 496].

Общение с природой осознается лирическим героем как радость, которую испытывает он от сознания своих собственных возможностей, открывшихся ему в общении с природой. М. Пришвин-художник поэтически утверждает мысль о том, что красота природы, ее отдельные прекрасные предметы и явления всегда будут неиссякаемым источником радости и вдохновения, что они способны поднять в человеке жизненные силы, принести людям радость и счастье. Красота природы пробуждает в человеке добрые чувства, делает его более внимательным, чутким ко всему окружающему.

В повести «Жень-шень» и в «Лесной капели» М. Пришвин показывает, что эстетическое восприятие действительности человеком обладает большим

нравственным воздействием на его личность. Прекрасное, по мысли писателя, тесно связано с этическими и социальными ценностями. Недаром все то, что осознается людьми как хорошее, доброе, справедливое, выступает в то же время как прекрасное или возвышенное. Чем выше эстетическое значение предмета или явления действительности, тем значительнее их нравственное воздействие на человеческую личность. Вот такие философские идея воплощены в «Жень-шене» и «Лесной капели» выдающимся мастером, изобразившим человека и природу как диалектическое единство, раскрывшим характеры героев своих произведений в процессе их сложной взаимосвязи с естественным миром.

Идею сохранения прекрасного М. Пришвин художественно выражал в своих произведениях в течение почти всей литературной деятельности. Эта идея явилась одной из программных в эстетической системе и в нравственной философии писателя, тонко понимавшего сложную жизнь природы и взаимоотношения человека с ней: сохранять прекрасное не для «чистого» эстетизма.

Чувство прекрасного, понимание красоты и действительности неразрывно связаны с нравственным обликом человека. В этом глубоко прочувствованном и осознанном желании рассказчика заложен большой философский смысл. М. Пришвин хочет, чтобы люди не только научились понимать прекрасное, наслаждаться красотой окружающего мира, разбираться в его сложных и тонких проявлениях, но чтобы они вбирали в себя все совершенное, что принадлежит естественной среде. Эта нравственная философия дальновидного писателя особенно теперь, в эпоху научно-технической революции, стала осмысливаться во всей ее глубине и социальной значимости, когда перед человечеством так остро встали вопросы бережного отношения к природе, эффективного и разумного использования ее богатств.

Проблема «человек и природа» стала предметом художественного исследования в лучших произведениях отечественной литературы.

М. Пришвин, К. Паустовский, Л. Леонов воплощали в своих произведениях взаимосвязь и взаимообусловленность общества и природы, единство человека и окружающей среды.

М. Пришвин утверждал: «Большинство животных и растений... тесно связаны с жизнью человека, но до сих пор наука мало занималась изучением этой связи, и, вероятно, тут должно помочь науке искусство» [Пришвин 1956: 3, 43]. И действительно, человек в процессе своей хозяйственной, преобразующей деятельности вступает в самые разнообразные связи с растительным и животным миром. Эти сложные процессы внутренних и внешних проявлений жизни человека, возникающие и протекающие в результате многообразных взаимосвязей с природой, стремился передать в своем творчестве М. Пришвин. Об этой стороне дарования писателя красноречиво сказал М. Горький, метко определивший своеобразие его дарования. Он писал: «...Когда я читаю «фенологические» домыслы и рассуждения Ваши, – улыбаюсь, смеюсь от радости, – до чего изумительно прелестно все у Вас! Не преувеличиваю, это мое истинное ощущение совершенно исключительной красоты, силою которой светлейшая Ваша душа освещает всю жизнь, придавая птицам, травам, зайцам... какую-то необыкновенную значительность и оправданность. Все у Вас сливается во единый поток «живого», все осмыслено умным Вашим сердцем, исполнено волнующей, трогательной дружбы с человеком, с Вами, поэтом и мудрецом» [Горький 1956: 29, 476].

М. Пришвин своими произведениями пропагандировал идею необходимости глубокого изучения средствами искусства закономерностей жизни природы, ибо это, по мысли писателя, поможет человеку глубже постичь ее законы, проникнуть в ее тайны и использовать ее богатства. Вот, прежде всего, почему в его произведениях отношения человека к природе – главная тема.

Задачей художественного творчества М. Пришвин считал правдивое отражение жизни. В повести «Неодетая весна» (1940) он писал: «До того

тянет к правде, что с трудом меняешь имена, и когда переменишь, уходит частица какой-то волшебной силы. Мало того, постоянно беру с собой фотографические аппараты, делаю тысячи снимков, совершенно мне по существу бесполезных: это мне, охотнику, тоже хочется уверить всех, что мои поэтические видения правдивы, и каждый, если хочет, может это увидеть и сам» [Пришвин 1956: 3, 321-322]. Материал для своих произведений писатель черпал из самой жизни и оставался верным ей в такой степени, что его героев и нарисованные им картины природы без труда можно увидеть в окружающем нас мире. Но это вовсе не говорит о том, что в произведениях М. Пришвина не было художественного вымысла. Картины природы и характеры людей в его произведениях – это не фотоснимки явлений жизни, а творческое переосмысление существующего в действительности.

Читаешь книга М. Пришвина и, на первый взгляд, кажется, будто в них мало говорится о человеке. Но когда вдумываешься в смысл изображенных писателем картин жизни, начинаешь понимать, что в каждой зарисовке так или иначе присутствует человек – или как активный деятель, вмешивающийся в дела природы, или как свидетель, летописец, фиксирующий поступки человека по отношению к природе. Очень часто пейзажи в произведениях М. Пришвина увиденны глазами пронизательного, дальновидного человека, думающего о сохранении естественной среды для грядущих поколений. В этом случае писатель выступает не только как великолепный мастер пейзажа, умеющий видеть гармонию и сложные взаимосвязи, красоту и порядок в природе, но и как ученый – естествоиспытатель и философ, анализирующий отношения человека к природе и думающий, к чему могут привести нерасчетливые наступательные действия людей на природу.

М. Пришвину принадлежит приоритет в утверждении идеи о необходимости сохранения равновесия сил в природе, чтобы она могла восстанавливать изымаемые у нее богатства и сохранить саму себя ради

человеческого же благополучия и долголетия на Земле. Он это делал глубоко осознанно, ясно представляя себе, к чему может привести расточительное отношение человека к богатствам естественной среды.

В очерках «Дорогие звери» он писал: «Для меня не только важно, что сегодня я вижу Амур, а мельчайшие подробности земного ковра, по которому теперь где-то совсем уже недалеко идет... Амур» [Пришвин 1956: 2, 596]. Здесь весь М. Пришвин, вся идейно-эстетическая концепция его творчества. Он хочет рассказать своим читателям о мельчайших подробностях земного ковра исключительно для того, чтобы убедить их в необходимости быть дальновидными хозяевами, ведущими строгий учет всего живого на земле, ибо в природе исчезновение какого-либо ее звена в силу нерасчетливой деятельности людей повлечет за собой нежелательные или даже опасные изменения во всей биосфере. Этот особый взгляд на природу, то есть изображение природы в целях осмысления сущности материальной практики и делает реализм М. Пришвина очень емким.

Однако эта самая существенная особенность творчества М. Пришвина не была, да и не могла быть понятой в свое время критикой. Ведь отношения человека и природы, которые занимали ведущее место в произведениях М. Пришвина, не рассматривались тогда как важные социальные проблемы.

История русской и мировой литературы знает немало примеров, когда истинный смысл художественного наследия писателя постигался литературоведами спустя много лет после его смерти. Такою, отчасти, была и писательская судьба М. Пришвина. Теперь, когда перед человечеством встал вопрос о необходимости научно обоснованного устройства отношений человека и природы, начал выявляться подлинный идейно-эстетический смысл его наследия. В статьях и монографиях, опубликованных в связи с юбилейными датами со дня рождения писателя, наметилось верное направление и осмыслению основной тенденции творчества М. Пришвина.

М. Пришвин писал только о том, что знал превосходно. А лучше всего он чувствовал и понимал природу, одарившую его прекрасными

способностями видеть самые тончайшие перемены, которые постоянно происходят в ней, видеть и понимать то, что доступно далеко не каждому. Эта особенность его художественного дарования позволила ему приблизиться к изображаемому материалу «в такой, степени, что сам он как бы сливается с ним» [Пришвин 1956: 4, 11]. Об этой стороне своего творчества писатель говорил в автобиографическом произведении «Мой очерк». Благодаря своей духовной близости к природе и глубокому пониманию ее жизненных процессов М. Пришвину почти всегда удается показать неповторимые свойства каждого изображаемого им предмета, явления, будь то скала, дерево, цветок или собака, олень, крохотная птичка пеночка и т. д. Он писал: «Я до такой степени приблизился посредством охоты к жизни природы, что меня удивляет, зачем это писатели, не будучи даже поверхностно знакомы с жизнью природы, считают своей обязанностью описывать погоду, леса, реки, моря» [Пришвин: 1973, 207].

Вот это глубокое понимание природы, ее жизни и взаимосвязи с жизнью человека и позволили М. Пришвину сделать природу главным «героем» своих литературных произведений. В этом заложен глубокий философский смысл, связанный с идеей единства всего живого на земле, которую писатель проводил в каждом своем произведении.

В книгах М. Пришвина нет узкоутилитарного взгляда на природу, равно как и чисто эстетского «любования ее красотами». Отношение человека к природе – сложный и многосторонний процесс. Он не сводится ни к узким утилитарно-практическим, ни к абстрактно-познавательным, ни к чисто эстетическим проблемам. Это, прежде всего, проблема социально-историческая, решение которой зависит от общественных условий человеческой деятельности: с помощью каких орудий труда человек обрабатывает природные материалы, в распоряжении какого класса находятся орудия труда, как распределяются продукты труда.

Проблема отношения человека и природы особо острый характер принимала в переломные исторические эпохи, когда рушились старые

общественные отношения и возникали новые. Эта историческая правда в известной мере отразилась в романах Л.Н. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина». С новых идейно-эстетических позиций проблема отношения человека к природе решается в произведениях М. Пришвина, в «Русском лесе» Л. Леонова, в некоторых произведениях К.Г. Паустовского.

Интересной и оригинальной является постановка М. Пришвиным в своем творчестве проблемы единства человека и природы. Человек является частью природы, высшей формой ее организации. На определенном этапе естественной эволюции человек в процессе трудовой деятельности выделился из природы, противопоставил себя ей. Практическая деятельность еще больше сблизилась с природой, его связь с ней приняла многоступенчатый характер. Единство человека и природы писатель видит в том, что человек прошел в своем длительном развитии через все этапы эволюции живой материи. Эти мысли о единстве человека и природы он сформулировал следующим образом: «Так миллионы лет тому назад нами были утрачены крылья, такие же прекрасные, как у чаек, и оттого, что это было очень давно, мы ими теперь так сильно любимся.

Мы потеряли способность плавать, как рыба, и качаться на черенке, прикрепленном к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и все это нам нравится, потому что это все наше, только было очень, очень давно» [Пришвин 1956: 3, 36].

М. Пришвин часто говорил, что он понимает весь мир в самом себе. Пришвинский тезис «понимать весь мир в себе самом» [Там же: 446] означает также, что в человеке есть все (или почти все), что свойственно окружающей его живой среде. Уточняя это свое положение, М. Пришвин говорил: «В человека вошли все элементы природы, и если он только захочет, то может перекликнуться со всем существующим вне его» [Там же: 457].

Характеризуя способность писателя видеть и понимать мир как единое целое, критик И. Мотяшов в статье «Дунино. У Михаила Михайловича»

писал: «...никому не посчастливилось так близко подойти к ощущению глубинных связей человека с природой. Никто, помимо Пришвина не способен пробудить в нас такой пронзительной ностальгии по забытому чувству родства с миром, откуда вышли мы сами и вся наша цивилизация. И ни у кого другого природа не оказывается столь чистым зеркалом, в котором человек видел бы свое «я», свободным от напластований всего недостойного, мелкого, преходящего.

В этом смысле даже неверно сказать, будто М. Пришвин учит нас любить природу. Он учит нас через понимание природы уважать в себе человеческое и побеждать скверное...» (Литературная газета, 1968, № 21, с.7).

Пришвин своими произведениями воспитывает у читателя чувство причастности к природе, чувство особой ответственности перед природой на Земле, где человек властвует над ней не только созидательно, но нередко и разрушительно. Глубокое понимание природы как целого (этому учат произведения М. Пришвина) ведет к тому, что люди проникаются желанием беречь нашу прекрасную зеленую планету.

В девственном лесу, как показывает М. Пришвин, все совершается без участия человека, но каждое дерево имеет свое лицо и свою судьбу. Тянется молодое дерево к свету. Оно слабое, тоненькое: не дают ему окрепнуть стоящие рядом могучие деревья. Но вот ураганный ветер свалил дерево, под пологом которого томилось без света молодое дерево, и с того дня в жизни угнетенного дерева произошел решительный перелом. Оно быстро пошло в рост и через десяток лет стало таким же величавым, каким был некогда его могучий сосед.

М. Пришвин по стволам узнает, какова была судьба дерева в прошлом. Вот стоит могучее дерево, но оно почти до половины жизни находилось в угнетенном состоянии. Это определил писатель по мутовкам на стволе: он их подсчитал. Но потом в жизни дерева по какой-то причине произошли изменения, и оно пошло в рост, обогнало соседние. Писателю нередко

удается установить причины временной угнетенности деревьев: «...почувствуешь под ногой слишком тонкий подстил и догадаешься, что причиной угнетенности был беглый пожар» [Пришвин 1956: 2, 767]. Но часто молодые деревья «угнетались» под шатром больших старых деревьев.

Сложные взаимоотношения, бытующие в царстве растительного мира, заставляли писателя задумываться и над явлениями общественной жизни, где тоже все переплетено, изменчиво, находится в движении и развитии. Раздумывая над явлениями природы и сопоставляя их с явлениями общественной жизни, художник пишет: «А разве у нас в человеческом обществе не бывает так: вдруг что-то большое как будто отвалится, и освобожденный талант высоко взмывает наверх, оставляя собой пример другим на столетия» [Там же].

Связь человека и природы в произведениях М. Пришвина не декларирована, а изображена в поэтических картинах, доступных и понятных каждому, потому и убедительных. Общность человека и природы утверждается художником на примере отношений многих персонажей его книг к окружающей их среде, растительному и животному миру. М. Пришвин изобразил в основном таких людей, которые по своей натуре любят природу, оберегают ее, помогают диким животным, когда они нуждаются в помощи. Вот человек спасает медведя от разъярившейся стаи волков – опасных и коварных хищников, бережно выкармливает, растит дикого олененка, который, будучи уже взрослым, приходил под окно, ища у людей ласки. Таких примеров дружбы человека и животных в произведениях М. Пришвина масса. Но удивительнее всего то, что писатель находит сходство отдельных черт человека с чертами кротких и благородных животных. В очерках «Дорогие звери» рассказывается о том, как писателю под шатром обвитого диким виноградником маньчжурского ореха с очень близкого расстояния удалось увидеть чудесные глаза оленихи. Они произвели на него неизгладимое впечатление.

И вот однажды, во Владивостоке, на трамвайной остановке он

встретился с женщиной с теми же чудесными оленьими глазами: «Я обернулся и вдруг прямо глаза в глаза встретился: те самые, мучившие меня все лето оленьи глаза теперь перешли на лицо женщины в зеленом платье... Глаза эти у оленя были именно так хороши, что требовали себе продолжения...» [Пришвин 1956: 3, 627].

Мысль о единстве человека и природы наиболее последовательно и поэтично развивается М. Пришвиным в произведениях, созданных им в 30–40-е гг. XX в. Самой яркой в этом отношении является очерковая повесть «Жень-шень». Писатель, опираясь на свою повседневную практику, на свои наблюдения над природой, пришел к выводу, что в человеческом обществе и в природе много сходного. В минуты тоскливого одиночества, когда вокруг не было ни одной человеческой души, с кем можно было бы обменяться мыслями, рассказчик прибрежный камень, по очертаниям похожий на сердце, «за человека принял и был с ним, как с человеком» [Там же: 233]. Здесь обнаруживается весь секрет пришвинского видения и понимания природы.

Вот рассказчик из повести «Жень-шень» сталкивается с летящими в глубине распадка светлячками, каждому из которых дано светить не более секунды, а потом навсегда погрузиться во тьму. Эта картина приводит его к мысли о непрерывном движении на всех ступенях развивающейся природы, где «путь одного кончался и продолжался другим, как у нас в человеческом мире» [Там же: 235].

В повести «Неодетая весна» уже на другом материале писатель художественно утверждает свои философские воззрения о единстве человека и природы. Он пишет: «В природе нет существ, более близких мне, чем лесные ручьи, вытекающие из болот, потом рассекающие темные леса глубокими оврагами. Эти маленькие ручьи такой скрытой силы, что если встретится на пути такого ручья любая гора, пусть Казбек или Эльбрус, все равно он и Эльбрус размоет. Чтобы донести свои разноцветные камешки в Черное море...» [Там же: 344]. Неудержимая сила бегущего ручья,

способного пробить себе путь в океан, привела писателя к мысли о силе человеческих слов, которые «если только сумеешь вызвать их из самого сердца, тоже могут собраться в ручьи и прийти в океан жизни. Всего человека, где нет ни больших, ни маленьких писателей, а все организованы в единстве целого, где все творцы» [Там же: 345]. Так в эстетической системе М. Пришвина «природа весенней капли при глубоком радостном раздумье весной сходится близко с природой человеческого слова» [Там же]. Писатель-философ в природе и в обществе находит сходное, при этом выделяет самое существенное – неограниченные возможности к творчеству всех сфер материального мира.

Самой характерной особенностью живого писатель считает творческое начало. Оно составляет сущность жизни и определяет развитие всего живого на земле, в том числе и развитие человеческого общества. Мысль о творчестве как о главном показателе всего живого наиболее последовательно проводится в рассказе «Журавлиная родина» (1929) и в ряде дневниковых записей. М. Пришвин говорит, что каждое живое существо творит по-своему, исходя из своих возможностей. Охотничья собака является «тоже творцом, ее материал был бекас. А у того тоже свое творчество, свои червячки, и так без конца в глубину биосферы?» [Пришвин 1956: 4, 439]. На самой вершине творческой лестницы стоит человек. Творческое начало является основой развития, обновления всего живого на Земле, начиная от простейших организмов и кончая самым высокоорганизованным существом – человеком.

Поскольку способностью творить, по мнению М. Пришвина, обладает не только человек, но и природа, он ставит вопрос: а нельзя ли объединить эти формы творчества, не стоит ли человеку вступить в сотворчество с природой?

Проблему сотворчества человека и природы М. Пришвин-художник освещает с разных сторон. Но главным в ней он считает рациональное, научно обоснованное использование материалов и энергии природы, с учетом возможностей живой среды восстанавливать и умножать изымаемые

у нее ресурсы.

2.2. Природа и духовный мир человека

Одной из самых существенных особенностей творчества М. Пришвина является то, что он, проникая в тайны жизни природы, стремился познать мир человеческой души.

Рассмотрим рассказ «Лесная капель» (1943). К каждому предмету природы писатель подходит с человеческой меркой и находит в нем сходное с какими-нибудь сторонами человеческой жизни. В миниатюрной главке «Старая липа» он пишет: «Думал о старой липе с такой морщинистой корой. Сколько времени она утешала старого хозяина и утешает меня, вовсе не думая ничего о нас! Я смотрю на ее бескорыстное служение людям, и у меня, как душистый липовый цвет, распускается надежда: может, когда-нибудь и я вместе с ней процвету» [Пришвин 1956: 3, 392]. Здесь М. Пришвин говорит о благотворном воздействии природы на людей: глядя на липу, лирический герой надеется, что он тоже бескорыстно будет служить человечеству. Вот какие чувства и мысли рождают у автора явления и процессы внешнего мира: «В больших горах, как на Кавказе, всюду остались следы титанической борьбы и событий в жизни земной коры, похожие на страдания и гримасы ужаса на лице человека... Может быть, когда-то и у нас в Московской области тоже была такая борьба, только давно это прошло, и вода до того умерила стихию, что как будто здесь наконец-то земля улыбнулась зелеными лесными холмами.

Бродишь глазами по этим милым холмам и, вспоминая свое прошлое, иной раз подумаешь: «Нет, не хочу опять повторять, не хочу опять быть молодым!» И улыбнешься вместе с землей и чему-то обрадуешься» [Пришвин 1956: 3, 394]. Здесь писатель поведал нам о чувствах человека, прошедшего тернистый путь, пережившего потрясения, подобно тому, как некогда вынесла титаническую борьбу стихийных сил Земля, на поверхности которой периодически образовывались величественные горные вершины,

которые под воздействием воды, ветра, солнца, температур сглаживались и затем вновь возникали на других участках.

В художественной системе М. Пришвина значительное место занимает идея «родственного внимания» ко всему живому на земле. Пришвинская концепция «родственного внимания» многозначна и является составной частью его философского понимания единства человека и природы.

Эта концепция нашла выражение в творчестве писателя еще дореволюционного периода – в книгах очерков «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Черный араб». В то время М. Пришвин делал лишь первые шаги по пути художественного осмысления этой сложной проблемы. Тогда она освещалась им лишь с утилитарно-практической точки зрения.

События Великой Октябрьской социалистической революции, утвердившие качественно новое общественное устройство революции, новые отношения между людьми, декреты правительства об охране природных богатств, ставших достоянием всего народа, послужили стимулом для дальнейших поисков писателя (углубленного решения им философской проблемы единства человека и природы). Вот в те годы М. Пришвин сделал заметный шаг вперед в художественном осмыслении этой весьма важной проблемы. В его произведениях о единстве человека и природы говорится уже не только с утилитарной точки зрения, но прежде всего как о важной нравственной проблеме, способствующей формированию у людей чувства хозяина своей страны, лично ответственного за ее богатства. Решение этой крупнейшей социальной задачи невозможно, по мнению писателя, без воспитания «родственного внимания» ко всем существам, населяющим просторы нашей прекрасной земли.

Так в повести «Неодетая весна» писатель рассказывает о спасении зверей во время весеннего половодья: «Каждую зверюшку мы, хозяева острова, встречали и принимали с родственным вниманием и, поглядев, пропускали бежать в угоды, отвечающие каждой породе» [Пришвин 1956: 3,

362].

Следует также подчеркнуть, что проявление «родственной связи» писатель видит не только между человеком и природой, но и между животными. Он рисует удивительную картину «взаимопомощи и взаимовыручки» среди зверей. В той же повести «Неодетая весна» автор пишет: «...долго мы не знали, что встречаем с пониманием только самую незначительную часть всех паломников новой родины. Наше знакомство с новым миром беженцев началось словами Аряши.

– Поглядите, – сказала она, – что же это делается с нашими утками!

Мы сразу же, только глянув на уток, заметили, что они отчего-то стали много темней и, главное, много толще.

– Отчего это? – стали мы догадываться. И пошли за ответом к загадке к самим уткам. Тогда оказалось, что для бесчисленного множества плывущих паучков, букашек и всякого рода насекомых, сорванных буйным разливом с мест своего обычного пребывания, наши утки Хромка и Клеопатра были островной сушей, и они взбирались на уток в полной уверенности, что наконец-то после долгого и опасного странствования по водам достигли надежного пристанища. И так их много было, что утки наши потолстели и даже очень заметно на глаз» [Там же].

Читателя изумляет мирное отношение охотничьих уток к насекомым, попавшим в большую беду. У него возникает масса вопросов: какая причина заставляет уток принять на себя роль спасительниц паучков, букашек; всегда ли они столь заботливы; при каких обстоятельствах они участливы к беде более слабых существ? Ответы на подобные вопросы ищет современная биологическая наука.

Вот еще один из любопытнейших фактов, свидетельствующих о нежности, заботливости, внимании диких животных к своим и чужим детенышам, выразительно описанным в главке «Звери» («Лесная капель»). Писатель говорит: «Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «Вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас

нежности... Маленького слепого лисенка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она вслепую любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери.

Окотилась кошка, котят забросили, другая вскоре окотилась в том же лукошке, ей оставили одного. Тогда обе кошки стали кормить одного котенка: родная уйдет, лезет в лукошко чужая, как будто в молоке ее заключается повелительная сила, которая все чужое роднит» [Там же: 423-424].

Описаний подобных примеров в произведениях М. Пришвина много. Заслуга пронизательного писателя состоит в том, что он своими чудесными описаниями поведения и взаимоотношений животных учит читателя острой наблюдательности, умению подмечать и понимать самые сложные проявления жизни в мире природы. Но, пожалуй, главное в этой художественной концепции – стремление писателя средствами искусства способствовать формированию человека высокой нравственности. М. Пришвин призывает читателя к доброму и заботливому отношению к животным, к гуманным взаимоотношениям между людьми.

Таким образом, проблема «родственного внимания» в произведениях М. Пришвина тесно связана с нравственными проблемами.

Наконец, проблема «родственного внимания» в пришвинской эстетической концепции – это проникновение человеческого создания в глубины живой природы и постоянное совершенствование человеческих способностей. В «Лесной капели» М. Пришвин говорит: «Чтобы описать дерево, скалу, реку, мотылька на цветке или в корнях дерева живущую землеройку, нужна жизнь человека, и не для сравнения и очеловечения дерева, камня или животного нужна жизнь человека, а как внутренняя сила движения, как мотор в автомобиле. Нужно самому автору в таланте своем дожить до того, чтобы все это до крайности далекое стало близким и возможным для человеческого понимания» [Пришвин 1956: 3, 489-490].

Писатель поэтически утверждает мысль о том, что в творческом

процессе (в художественном или научном) решающим является постижение предмета исследования во всех его сложных проявлениях. Только при таком условии предметы внешнего мира будут воссозданы художником точно и правдиво. Писатель, ученый обязаны настойчиво и систематически работать над совершенствованием своего таланта, только тогда они найдут дорогу к своему читателю.

2.3. Тема защиты природы

Еще в путевых очерках «В краю непуганых птиц» М. Пришвин с большой озабоченностью писал, что по берегам одной из северных рек – Свири – леса уже все вырублены, берега выглядели тускло, скучно, сиротливо. «Теперь лес тут всюду, только и слышишь слово «лес», но с прилагательными: пиленный, строевой, жаровой, дровяной и т. д. Этот лес тащат буксирные пароходы...» [Пришвин 1956: 2, 17]. Но писатель говорит здесь не только о таянии лесов под пилой лесопромышленников. Он видит еще и то, как бесхозяйственно используется сваленный лес. Для промышленных нужд вырубают самые лучшие деревья, от них отрезают ровную часть, а «верхушка в две-три сажени бросается в лесу и гниет. Гниет также и пропадает даром весь сухостойный или поваленный ветром лес... бесчисленное количество леса пропадает даром» [Там же: 64]. Почти через полвека эти вопросы были подняты Л. Леоновым в всемирно известном романе «Русский лес».

В книге очерков «Северный лес» М. Пришвин с болью в сердце пишет о том, что бесхозяйственное и бездумное использование природных богатств нередко приводит к вырубке леса в таких местах, где он должен расти и охраняться в обязательном порядке. В результате заготовки древесины недалеко от Переяславля на реке Бексе береговые кручи были начисто оголены. На месте могучих сосен остались пни, а «весь правый берег покрыт штабелями того самого леса, который и речку эту замечательную защищал и служил источником здоровья множества людей в летнее время» [Там же:

692].

Даже Северная Двина стала ощущать на себе, что значит вырубка леса по берегам рек: она из года в год к середине лета все больше и больше начинает мелеть, все больше и больше появляется перекатов. М. Пришвин многократно писал, что оголять реки ни в коем случае нельзя: резкое уменьшение уровня воды отражается на всем сложном организме реки – и на ее флоре и фауне. Рыба лишается многих видов растений, которые являлись для нее источником пищи. Кроме того, с оголенных крутых берегов весной, осенью и в дождливые дни летом верхний слой земли уносится в реку тальными водами и дождями, способствуя обмелению реки.

Идея бережного использования ресурсов природы пронизывает все произведения М. Пришвина. Но особое место в его творчестве в этом отношении занимают очерки «Северный лес» и повесть «Корабельная чаща». Основной их проблемой является охрана «зеленого друга» человека, рациональное использование наших лесных богатств. Писатель уже в 30-е гг. был глубоко убежден, что «охранять природу – значит охранять Родину». На завершающей странице очерков «Северный лес» М. Пришвин написал: «...наша совесть болит за лесное хозяйство. А если все будет хозяйственно, то ведь и не жалко рубить: не отдавать же лес червям и пожарам» [Пришвин 1956: 2,783].

Повесть «Корабельная чаща» была опубликована в один год с романом «Русский лес» Л. Леонова. Два крупных писателя поставили в своих произведениях один из важнейших вопросов нашей современности, как надо строить отношения человека к «зеленому другу» – лесу. Тема леса перерастает в этих произведениях в тему более обширную – «человек и природа» и объединяет в одно целое и другие темы (борьба двух миров – социализма и фашизма, патриотизм и героизм людей в Великой Отечественной войне, связь поколений и т.д.). Исследователи творчества Л. Леонова достаточно подробно рассмотрели борьбу двух направлений в науке о лесе, отразившуюся в романе «Русский лес». Что же касается повести

М. Пришвина «Корабельная чаша», то здесь дело обстоит несколько иначе. Литературоведы не затрагивали этого важного вопроса, нашедшего свое художественное выражение в споре бухгалтера Ивана Назаровича с неким командированным когда-то в Канаду для изучения лесозаготовок и вернувшимся «оттуда будто бы инструктором канадского лесопиления» [Там же: 5, 196].

Канадец (так именует его писатель) выдавал себя за прекрасного знатока лесопользования, подчеркивая, «что у нас ничего не понимают в лесном деле... только, в Канаде о лесах известна вся правда» [Пришвин 1956: 5, 197]. Какова же цена этой правды? Суть – в призывах к беспощадному уничтожению зеленого покрова земли. Этот «пришелец» из командированных когда-то в Канаду для изучения лесозаготовок, подобно Грацианскому, утверждает: «...люди за леса держатся из-за робости, и лес делается аккумулятором всего отсталого, всякой косности, он консервативен, как старая баба, и чем скорей мы с этой зеленой дрянью покончим, тем свободней, лучше нам будет жить» [Там же].

Такому противоестественному пониманию роли леса в жизни общества автор противопоставил не идеи ученого-лесоведа, подобного Ивану Вихрову, а рядового русского патриота – бухгалтера Ивана Назаровича, мыслящего о делах леса по большому счету. Тихий и застенчивый Иван Назарович, когда услышал из уст «канадца» проповеди о скорейшем избавлении человечества от «зеленой дряни», весь загорелся ненавистью к пришельцу как к ярому врагу всего человечества. Иван Назарович решительно выступил против вредной теории канадца о повсеместном истреблении леса, ибо он хорошо понимал, что лес – источник жизни и силы человеческой. Он гневно бросил в лицо своему противнику глубоко продуманное обвинение, выношенное, надо полагать, годами: «...ты горе человеческое хочешь нам подставить как правду и хвалишься тем, что в Канале спешат уничтожить леса поскорей и взяться за каменный уголь.

– А чего ты? – спросил, собираясь духом, канадец. – Тебе-то что?

– Как же не беспокоиться мне за леса, – ответил Назарыч, – если в лесах наша сила совершается. Ты это понимаешь?» [Там же: 198]. Пришвин утверждает, что обеднение естественного мира неминуемо ведет к отделению человека от природы, без которой он не может жить не только ни одного дня, но и ни одной минуты, и что полное изъятие из бесконечной цепи явлений природы хотя бы отдельных, но очень важных ее звеньев может поставить человечество перед катастрофой.

Среди писателей М. Пришвин был самым последовательным пропагандистом идей научного подхода к использованию природных богатств страны, их воспроизводству и приумножению. К делу охраны природы писатель стремился привлечь каждого человека – взрослых и детей. Ему принадлежит проникновенное и яркое по стилю обращение к школьникам. М. Пришвин писал в нем: «Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять, – их надо открывать и показывать. Для рыбы нужна чистая вода – будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные – будем охранять наши леса, степи, горы» [Пришвин 1957: 350].

Охрана и воспроизводство природы – это дело жизни самого человека, человечества, ибо грубое вторжение в окружающую среду, разрушение ее оборачивается против самого человека, обедняет нашу человеческую сущность, ведь мы – частица природы, утверждал писатель.

Нередко люди наносят природе большой урон из-за бездумного к ней отношения. В «Лесной капели» М. Пришвин рисует печальную картину гибели черемухи, растущей неподалеку от города. Ее ежегодно во время цветения ломают горожане, уносят с собой охапки белых душистых цветов. В результате черемуха гибнет. «Вчера цвела черемуха, и весь город тащил себе из лесу ветки с белыми цветами. Я знаю в лесу одно дерево: сколько уже лет оно борется за свою жизнь, старается выше расти, уйти от рук ломающих. И удалось – теперь черемуха стоит вся голая, как пальма, без

единого сучка, так что и залезть невозможно, а на самом верху расцвела. Другая же так и не справилась, захирела, и сейчас от нее торчат только палки» [Пришвин 1956: 3, 376]. Ломать цветущую черемуху и губить ее – признак духовной незрелости человека, не умеющего наслаждаться живой природой.

Те же горожане, которые вчера ломали ветви с белыми цветами черемухи, сегодня или завтра выбросят в мусорную яму увядшие цветы, а черемуха, безжалостно сорванная на корню, погибла. Больше она уже не зацветет, не будет радовать людей, любящих красоту, умеющих хранить ее для грядущих поколений. Она, превращенная волей человека в голые палки, жалостливо торчащие из земли, долго еще будет печалить взор друзей природы. Эти лаконичные строки М. Пришвина обращены к совести каждого мыслящего человека, бьют тревогу, зовут к решительным действиям по охране природы. Дерево не может нам что-либо сказать о причиняемой ему боли. Зверь – другое дело, он может избежать встречи с человеком или активно защитить свою жизнь от людей.

Наше незнание законов жизни дерева нередко приводит к тому, что мы порой бесцельно калечим природу. М. Пришвин приводит массу таких фактов: «Вот охотник, желая взбудить белку, стучит топором по стволу и, достав зверька, уходит. А могучая ель губится от этих ударов, и вдоль сердца начинается гниль» [Там же: 2, 766]. А сколько каждый охотник за сезон совершает таких поступков из-за своего невежества? Сколько деревьев погибает от подобных действий? Если бы удалось сосчитать ущерб, нанесенный лесному хозяйству только от этого, видимо, получилась бы внушительная цифра. А если еще учесть, что дерево – это не только строительный материал, не только сырье для многих видов производства, но и творец кислорода на нашей планете, то наносимый ущерб трудно и измерить.

«Котомку надо было путнику подвесить на сучок, а у ели все сучья наклоняются книзу. Путник, затесав маленький колышек, вгоняет его в

ствол, и вот мы сейчас через множество лет с трудом догадываемся, почему это прекрасное дерево выросло *полузрудником*» [Пришвин 1956: 2, 766], – взволнованно пишет М. Пришвин.

М. Пришвин настолько подробно знакомит читателя с жизнью растений и животных, в яркой художественной форме излагает свои наблюдения и открытия, что мы лучше начинаем понимать самих себя, свой внутренний мир. Для М. Пришвина-художника постижение законов жизни и развития природы есть в то же время и открытие нового в духовном мире творческой личности. И это происходит оттого, что в процессе познания внешнего мира и творчества по законам красоты происходит обогащение внутренней жизни самого человека, о чем всегда говорит писатель.

Художественно утверждая идею рационального использования богатств нашей планеты, М. Пришвин никогда не проявлял консерватизма в вопросах лесоиспользования. Он писал: «...я служу этому делу добросовестно; в каждом леспромхозе беспокою служащих своим любопытством» [Пришвин 1956: 2, 729]. Он приветствует новые способы обработки древесины, радуется, что бревна «по лоточкам входили в самый большой в мире лесопильный завод... как транспортерами они поднимались в огромную залу и там, у станков (рам), распадалась на доски разной толщины и качества» [Там же: 782-783]. Как не радоваться: тяжелый труд лесопромышленных рабочих почти целиком механизуется.

Но при этом М. Пришвин видит и другое. Он с иронией пишет, как инженеры лесопильного завода рассуждали «о творчестве Берендеевой чащи, стоя на мощных пластах почвы, созданной из опилок и стружек лесопильных заводов» [Там же]. Берендеева чаща, конечно, будет творить и дальше, а вот люди пока еще не умеют по-хозяйски использовать ее дорогие материалы, утверждал писатель. Будучи свидетелем философских рассуждений инженеров о «творчестве» Берендеевой чащи, старожил этих мест, мудрый старик сказал: «Надо, – и пора, пора нам совесть очистить...» [Там же]. Старик говорил о боли и совести перед народом и государством, перед

грядущими поколениями людей за расточительное отношение к зеленому ковру нашей планеты.

Человек изобрел совершеннейшие машины, всевозможные приспособления, позволяющие ему без особых усилий и быстро валить могучие деревья, складывать в штабеля, превращать их в строительный материал, осушать болота и поднимать миллионы гектаров целинной земли за одну весну, вылавливать тысячи тонн рыбы за небольшой промежуток времени. Словом, человек создал первоклассные механизмы для интенсивной эксплуатации флоры и фауны, но не много сделал, чтобы с той же легкостью и быстротой восстанавливать изымаемые у природы материалы, зеленый покров земли, убывающий кислород воздуха, – об этом обеспокоенно предупреждал читателей писатель.

М. Пришвина тревожит вопрос, надолго ли хватит у природы сил творить без помощи человека, восстанавливать то, что у нее берут, а берут у нее с каждым годом все больше и больше. Писатель настойчиво развивал мысль, что дальнейшее нерасчетливое расходование богатств планеты не только расточительно, но чревато опасными последствиями.

Пришвин был горячим сторонником творческого преобразования окружающей человека живой среды. В «Журавлиной родине» он писал: «Вот как... понимаю крупную промышленность: она должна охранять и преобразовать природу на земле, а не разорять» [Пришвин 1956: 4, 405]. В науке тогда еще не ставился так остро вопрос об охране природы от разрушительного воздействия промышленных отходов на биосферу, а вот художник уже тогда размышлял о том, по какому пути должно идти развитие промышленности, каковы будут отношения людей к естественным богатствам земли.

В «Корабельной чаще» М. Пришвин рассказал о том, как люди учатся любить и охранять леса, реки и озера. По глубокому убеждению писателя, бережное отношение к лесу рождается лишь в заботе о нем. Когда человек сажает дерево и годами ухаживает за ним, он начинает хорошо понимать

жизнь растения, которое на его глазах набиралось сил, росло, с каждым годом поднимаясь все выше: «... человек, посадивший дерево, начинает, как всякий, ценить свой собственный труд и через это ценить и любить самое дерево.

А от своего трудового дерева перекинется к дикому и задумается над тем, что и дикие леса, даровые, тоже надо хранить» [Там же: 5. 71].

Книги М. Пришвина учат нас видеть в природе не только мастерскую и храм, где человек трудится и наслаждается ее величием и красотой, но и понимать, что природа – это живое, развивающееся явление, где есть свои строгие законы, которые не должны нарушаться. Жизнь и развитие человечества неразрывно связаны с действием и функционированием миллионы лет складывавшихся важнейших законов природы, утверждает писатель.

Природа только тогда приемлет «власть» над собой, когда эта «власть» используется с учетом закономерностей ее развития. Вот к каким выводам пришел М. Пришвин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значителен писательский подвиг М. Пришвина. Вся его жизнь была искренним служением народу, человечеству. Он учил своими произведениями понимать жизнь природы, увлекал читателя проникновенными рассказами о сложных взаимосвязях между явлениями живого мира. Вот почему картины природы, воссозданные им, глубоко волнуют нас.

Писатель поэтически утверждал мысль о необходимости разумного переустройства отношений человека к природе не только в общефилософском плане, но и как практическую задачу, вставшую в наш век перед всем человечеством, как крупнейшую социальную проблему современности.

Только высокая любовь к народу, к Родине, к ее необъятным просторам помогла писателю создать проникновенные произведения о земле русской, о богатстве, величии, красоте родных просторов. «Пишу – значит люблю», – утверждал писатель. В этом выражении – весь М. Пришвин.

Певец русской природы, поэт-философ, М. Пришвин был самобытным художником, его творчество занимает особое место в истории русской литературы.

Нет такого произведения М. Пришвина, где бы он не показывал живую красоту природы, ее благотворное влияние на духовный мир человека.

«– Иди, иди скорее, посмотри, какое озеро!

Я выбежал и увидел такое, что второй раз уже невозможно было увидеть, потому что в этот раз озеро отдало мне все свое лучшее и я свое лучшее отдал озеру. Весь небесный свод со своими градами и весями, лугами и пропелеями и простыми белыми барашками почивал там, в зеркальном озере, гостил так близко у нас, у людей...» [Пришвин 1956: 3, 57].

Главным в деятельности писателя М. Пришвин считал верность правде жизни: только она способна привести художника к созданию подлинных

произведений искусства. В своей писательской практике он неизменно следовал этому правилу. М. Пришвин был предельно точным в описании жизни людей разных национальностей и разных профессий, в описании природы, географического ландшафта, в обрисовке того нового, что рождалось в людях. Размышляя о сущности искусства, он писал: «В художественной вещи красота красотой, но сила ее заключается в правде: может быть бессильная красота (эстетизм), но правда бессильная не бывает...

Не в красоте, а только в правде великие художники черпали силу для своих великих произведений, и это наивно-младенческое преклонение перед правдой, бесконечное смирение художника перед величием правды создало в нашей литературе наш реализм; да, в этом и есть сущность нашего реализма: это подвижническое смирение художника перед правдой» [Пришвин 1956: 3, 497].

Произведения М. Пришвина являются живым источником, откуда поклонники его таланта черпают знания. Каждый, кто приобщился к его произведениям, намного расширил свои представления о природе. Особенно большое значение приобретают книги М. Пришвина теперь, когда природа так нуждается в заступничестве и помощи.

Не только наши современники, но и будущие поколения людей с наслаждением будут читать книги М. Пришвина, потому что он учит понимать природу, любить ее, наслаждаться ее вечно неувядающей красотой.

К. Паустовский метко охарактеризовал значение М. Пришвина как художника и гражданина: «Земля нам дана для жизни. Как же мы можем не быть благодарными тому человеку, который открыл нам до дна всю простую красоту этой земли, тогда как до него мы знали об этом неясно, разрозненно, урывками» [Паустовский 1956: 1, 9]. Здесь К. Паустовский, будучи сам глубоким знатоком и певцом природы, удивительно точно определил смысл художественного наследия М. Пришвина.

В лучших произведениях писателя проблема «человек и природа» поднята на высоту значительных философских обобщений, имеющих

общечеловеческое значение. Этим объясняется все возрастающая популярность его наследия.

Традиции М. Пришвина продолжали развивать многие писатели – В. Астафьев, Ч. Айтматов, В. Распутин, В. Белов, С. Залыгин, Г. Троепольский и другие. В произведениях этих художников с темой «человек и природа» тесно связана другая очень важная проблема – «природа и научно-техническая революция». Сегодня эта проблема волнует писателей, философов, естествоиспытателей, социологов, публицистов – всех, кто думает и о грядущих поколениях людей.

Список литературы

1. Агеносов В.В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман. – М.: Прометей, 1988. – 127 с.
2. Бармин А.В. «Кашеева цепь» М. М. Пришвина как лирическая эпопея: К проблеме эпического лиризма // Филологические науки. – 1974. – № 2. – С. 17-26.
3. Борисова Н.В. Фольклорные мотивы в творчестве М. Пришвина // Материалы по славянской культуре. – М., 1979.
4. Варламов А.Н. Пришвин. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 548 с.
5. Варламов А. Пришвин и Бунин: Литературный этюд // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 21-39.
6. Воспоминания о Михаиле Пришвине: Сб. / Сост. Я.З. Гришина, Л.А. Рязанова. – М.: Сов. писатель, 1991. – 368 с.
7. Выходцев П. Об эстетической системе Пришвина // Творчество М.М. Пришвина. Исследования и материалы: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 19-35.
8. Выходцев П. Секрет Михаила Пришвина: Об эстетической системе художника // Литература в школе. – 1984. – № 4. – С. 10–18.
9. Гачев Г. Пришвин // Гачев Г. Русская Дума: Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, 1991. – С. 98–104.
10. Гончаров П.А. «Будет ли день, когда... пойду от природы к людям...?»: Мотив «бегства в природу» у М. Пришвина и В. Астафьева // Русская словесность. – 2003. – № 5. – С. 11-17.
11. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1949-1955. – Т. 29, 30.
12. Гринфельд Т.Я. О художественном методе М. Пришвина // Русская литература. – 1973. – № 1. – С. 46–56.
13. Гринфельд Т.Я. Образ природы и жанр миниатюры в творчестве М.М. Пришвина // Жанровые формы в русской литературе. – Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1986. – С. 90-111.

- 14.Гринфельд-Зингурс Т.Я. Природа в художественном мире М.М. Пришвина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 194 с.
- 15.Давыдов К.М. Мои воспоминания о М.М.Пришвине // Воспоминание о М.М. Пришвине. – М.: Сов. писатель, 1991.
- 16.Дворцова Н. Экстерриториальный писатель. (О литературной репутации Михаила Пришвина) // Вопросы литературы. – 2004. – № 1. – С. 49-69.
- 17.Ершов Г.А. Михаил Пришвин. Очерк жизни и творчества. – М.: Худ. лит., 1963. – 192 с.
- 18.Ефимова Русский народный костюм. – М.: Сов. Россия, 1989. – 314с.
- 19.Замошкин Н.И. Охота за счастьем (Заметки о детских рассказах М. Пришвина) // Новый мир. – 1940. – № 6. – С. 227-238.
- 20.Зотов И.А. Человек и природа в творчестве М. Пришвина. – М.: Просвещение, 1982. – 80 с.
- 21.Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 364 с.
- 22.Ивич А. Природа. Дети: Пришвин, Паустовский, Дубов, Панова: очерки. – М.: Дет. лит., 1980. – 224 с.
- 23.Казак В. Пришвин // Казак В. Лексикон русской литературы XX века. – М.: Культура, 1996. – С. 330–331.
- 24.Киселев А.Л. Поэтическое слово М. М. Пришвина // Пришвин М. Желанная книга. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 5–24.
- 25.Киселев А.Л. Пришвин и русская литература: Нравственно-этические и эстетические аспекты в развитии русской литературы. – Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т., 1983. – 134 с.
26. Киселев А. Л. М. Пришвин и русские писатели XX века. – Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т., 1985. – 128 с.
- 27.Курбатов В.Я. Михаил Пришвин. – М.: Сов. писатель, 1986. – 224 с.
- 28.Литровская С. За волшебным словом. Жизнь М.М. Пришвина. – М.: Дет. лит., 1964. – 287 с.

29. Лишова Н.И. Мотив странствий в художественном дискурсе М.М. Пришвина: Автореф. ... канд. дис. – Елец, 2012. – 17 с.
30. Михаил Михайлович Пришвин: 1873-1954: к 130-летию со дня рождения: материалы для библиографического указателя литературы о жизни и творчестве М.М. Пришвина / Авт.-сост. З.Я. Холодова; науч. ред. Н.В. Борисова. – Иваново: Иваново, 2002. – 116 с.
31. Мотяшов И.П. М. Пришвин. Критико-биографический очерк. – М.: Сов. писатель, 1965. – 248 с.
32. Паустовский К. Михаил Михайлович Пришвин. Вступительная статья // Пришвин М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1956-1957. – Т. 1. – С. 5-16.
33. Пахомова М.Ф. Михаил Михайлович Пришвин. – Л.: Просвещение, 1970. – 128 с.
34. Пришвин и современность / Сост. П.С. Выходцев. – М.: Современник, 1978. – 333 с.
35. Пришвин М.М. Глаза земли. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 432 с.
36. Пришвин М.М. Избранные произведения: в 2 т.. – М.: Худ. лит., 1991.
37. Пришвин М.М. Из дневника // Литературная газета. – 1968. – № 14.
38. Пришвин М.М. Календарь природы. Осударева дорога. – Воронеж, 1979. – 132 с.
39. Пришвин М.М. Кащеева цепь. – М.: Сов. Россия, 1984. – 496 с.
40. Пришвин М.М. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гослитиздат, 1956-1957.
41. Смирнов Н. Михаил Пришвин. Очерк жизни и творчества. – М-Л.: Детгиз, 1953. – 234 с.
42. Трефилова Т.М. М.М. Пришвин // История русской советской литературы: в 4 т. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 3. – С. 287-315.
43. Туранина Н.А. Словарь метафорических образов М. Пришвина. – Белгород: ИП Данилюк, 2007. – 226 с.
44. Федин К.А. «Слово правды» Михаила Пришвина // Федин К.А.

- Писатель. Искусство. Время. – М.: Сов. писатель, 1973. – С. 265-268.
45. Хайлов А.Н. Михаил Пришвин. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 162 с.
46. Хмельницкая Т.Ю. Творчество Михаила Пришвина. – Л.: Сов. писатель, 1959. – 282 с.

Приложение

Конспект урока по теме «М.М. Пришвин. «Кладовая солнца». Особенности композиции и жанра»

Цели:

- познакомить учащихся с некоторыми фактами биографии М. Пришвина;
- раскрыть особенности композиции и жанра произведения.

Ход урока:

Вступительное слово учителя о М.М.Пришвине (Для рассказа о писателе, адресованного шестиклассникам, выберем факты, рассказывающие о становлении этого неповторимого художника слова. Не обязательно стремиться к тому, чтобы ученики запомнили эти факты. Важнее увлечь детей рассказом о том, как будущий писатель шёл к раскрытию своего таланта.)

А) М.М.Пришвин родился в 1873 году в селе Хрущёво Елецкого уезда орловской губернии. Дед будущего писателя. Купец, приобрёл это имение у местного помещика. Миша был младшим ребёнком в семье. Ему шёл восьмой год, когда отца парализовало.

Пришвин закончил сельскую школу и поступил в Елецкую гимназию. Первый класс гимназии в то время соответствовал третьему или четвёртому классу современной школы. Туда поступали дети, уже умеющие читать и писать. Всего в гимназиях того времени было семь классов. После года учёбы мальчик был оставлен в первом классе повторно за неуспеваемость с выводом: «безнадёжен по малоспособности».

В 1885 году Пришвин с друзьями-гимназистами попытался совершить побег в «Азию». Спустя много лет он говорил, что это было его первое устремление к мечте.

В учёбе Пришвину везло и не везло одновременно. Учителем географии у него был Василий Васильевич Розанов, который вскоре стал известен всему миру как выдающийся русский философ. Розанов защищал мальчика от града насмешек после неудачного побега в «Азию». Но, оскорбив Розанова в споре, Пришвин был исключён из гимназии без права поступления в другое учебное заведение – «с волчьим билетом». Тогда Пришвину было 16 лет, и он увлекался чтением нелегальной, то есть запрещённой литературы.

В 1889 году Пришвин переехал в Тюмень к дяде, крупному промышленнику. Он учился в реальном училище, а затем экстерном сдал экзамены за седьмой класс и в 1893 году поехал в ригу, где поступил в политехникум на агрономическое отделение химического факультета. Пришвину в этом году исполнилось 20 лет.

В те годы открытия, сделанные великими русскими химиками, произвели настоящую революцию в науке. Бурно развивались новые отрасли знания: почвоведение, агрохимия, агрономия, одно за другим совершались открытия, которые будоражили умы всего мира. По всей России

путешествовали исследователи, в поле и в лабораториях изучали свойства воздуха, почв, растений и способы обработки земли. Учёные открывали великие тайны природы. Пришвина увлекла эта волна, но ещё более захватил его марксизм и деятельность в «школе пролетарских вождей». В 1897 году Пришвина арестовали и приговорили к году тюремного заключения, а затем выслали в Елец под надзор полиции, запретив учиться в России.

В 27 лет Пришвин уезжает в Германию, где поступает в Лейпцигский университет. В течение двух лет учёбы он слушает лекции самых выдающихся профессоров, ездит на лекции в Берлинский и Йенский университеты. Больше всего Пришвина в эти годы увлекает вовсе не литература: с увлечением он занимается в лаборатории физика, химика и философа В.Ф. Оствальда.

В 29 лет Пришвин возвращается в Россию. Он работает агрономом на опытной сельскохозяйственной станции, стремится к работе в лаборатории выдающегося русского учёного-биохимика – академика Дмитрия Николаевича Прянишникова. Редактирует сельскохозяйственную энциклопедию. Пишет научные и популярные статьи, например на такую тему: «как удобрять поля и луга» (1905), «Картофель в полевой и огородной культуре» (1908). Но эта работа оставляет у него чувство неудовлетворённости.

И вот происходит неизбежное в человеке, который чувствует в себе особое призвание: в 1906 году тридцатитрёхлетний Пришвин по совету друга отправляется для сбора фольклора в Заонежье – в Выговский край Олонецкой губернии, куда в то время ещё не проникла цивилизация и где жила, может быть, в первозданном виде народная культура. 38 сказок записал там Пришвин. Но главным результатом экспедиции для него стала книга «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края» (1907). С любовью рассказывая о жителях Заонежья, Пришвин открыл в себе писателя.

Через несколько лет, уже в Петербурге, Пришвин вновь встретился и стал общаться с Розановым, с другими известными русскими писателями и философами. Так в творчестве Пришвина слились глубокое знание природы, философская мысль и любовь к людям.

Б) Чтение вступительной статьи о Михаиле Михайловиче Пришвине, помещённой в учебнике-хрестоматии (с.35). Она дополнит и обобщит уже известное учащимся о писателе.

В) Можно познакомить учащихся с отрывками из «Золотой розы» К.Г.Паустовского (глава «Михаил Пришвин»)

- Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её жизнь и воспел её, то, прежде всего, эта благодарность выпала бы на долю Михаила Пришвина.
- Если внимательно прочесть всё написанное Пришвиным, то остаётся убеждение, что он не успел рассказать нам и сотой доли того, что он

превосходно видел и знал. Для таких мастеров, как Пришвин, мало одной жизни, - для тех мастеров, что могут написать целую поэму о каждом слетающем с дерева осеннем листе.

- Книги Пришвина, говоря его же словами, - это «бесконечная радость постоянных открытий».
- Язык Пришвина – язык народный.
- Прозу Пришвина можно с полным правом назвать разнотравьем русского языка. Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они то шелестят, как травы, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как первый лёд, то, наконец, ложатся в нашей памяти медлительным строем, подобно течению звёзд.
- Его обширные познания этнографии, фенологии, ботаники, зоологии, агрономии, метеорологии, истории, фольклора, орнитологии, географии, краеведения и других наук органически входят в его писательскую жизнь.

Вступительное слово учителя об истории создания сказки-были «Кладовая солнца»

Сказка-быль «Кладовая солнца» написана Пришвиным в 1945 г. после окончания Великой Отечественной войны. А «ещё в 1940 году автор говорил о своём намерении работать над рассказом о том, как поссорились двое детей и как пошли они двумя разделившимися дорогами, не зная, что в лесу сплошь да рядом такие дороги-обходы снова соединяются в одну общую. Дети встретились, и дорога сама их примирила» (по воспоминаниям В.Д.Пришвиной).

Актуализация знаний учащихся.

- Какое впечатление произвело на вас это произведение?
- Какие эпизоды более всего поразили, пробудили волнение и чувство сопереживания?

Слово учителя об особенностях композиции произведения.

А) Большую роль в произведении играют внесюжетные герои – родители детей и старый лесник Антипыч: с помощью этих образов писатель выражает мысль о той правде «вековечной суровой борьбы людей за любовь», которая, по мнению Пришвина, является главным законом жизни. Передающимся от поколения к поколению и основанным на разумном «родственном» отношении человека к природе.

Отец Митраши воспитал в сыне не только необходимые житейские навыки, но. Главное. Развил в нём пытливость. Смелость, уверенность в человеческом разуме, умение зорко всматриваться в окружающую природу, понимать её. Влияние отца было так велико, что в разговорах Митраши как лейтмотив постоянно звучит фраза: «Отец говорил», которая во многом определяет поведение мальчика, объясняя истоки его уверенности, а порой

и упрямства.

Старый охотник Антипыч обещает передать понятый им смысл жизни через свою собаку Травку. Он подшучивает над самоуверенностью некоторых людей, их желанием всё в жизни получить из чужих рук. Над неумением понимать природу. На примере своего отношения с травкой старик показывает. Каким может и должно быть взаимопонимание между человеком и животным («то-то. Ребята... вот Травка, собака гончая, с одного слова всё понимает. А вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живёт. Ладно же. Приезжайте. А упустите меня, травке я всё перешепну»).

Б) Особенность сказки-были Пришвина в том, что она написана от лица рассказчика. Здесь рассказчик хотя и повествует от первого лица, но выступает не как главный герой, а как очевидец, которому близок и знаком мир, окружающий героев («Мы жили в этом селе...», «Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту...», «Блудово болото, где и мы сами не раз блуждали...»).

С каждым новым эпизодом читатели всё больше и больше узнают не только героев, но и самого рассказчика по тем репликам, оценкам, которыми он сопровождает свой рассказ. С большой теплотой и лаской говорит рассказчик о Насте и Митраше, об их внешности, дружной жизни, нелёгком труде. Он гордится детьми, сочувствует им, когда они проявляют слабость, радуется их победе над собой и всегда верит в то, что из Насти и Митраши вырастут настоящие люди.

Он прекрасно понимает «разговоры» птиц, свободно читает мысли Травки и зайца. Для него шум ветра наполнен определённым содержанием. Окружающая природа заставляет рассказчика раздумывать о человеческих судьбах, волноваться вместе с героями, сопереживать их бедам и радостям. В конце сказки-были рассказчик выступает как бы от лица тех людей. Которые ищут союза с природой, чтобы она открыла свои богатства: «Мы – разведчики болотных богатств. Ещё с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нём горючего – торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах!» Оптимистическая интонация рассказчика придаёт определённую жизнеутверждающую тональность всему произведению.

Работа в группах. Определение особенностей жанра произведения.

1 группа работает над чертами сказки в произведении, а 2 группа ищет черты были. В помощь ребятам – карточка с вопросами. Затем группы выступают с ответами по найденному материалу, учитель помогает обобщить ответы.

Вопросы для работы групп

Цель: выяснить, почему «Кладовая солнца» называется «сказка-быль».

1. Где и когда происходит действие в произведении М.Пришвина «Кладовая солнца»?

2. Чем начало произведения напоминает сказку?
3. Вспомните художественные образы, отдельные эпизоды, которые важно назвать сказочными. Подумайте, какую роль они играют в произведении.
4. Что в «Кладовой солнца» является былью?

Обобщение результатов работы в группах:

Сказка	Быль
<ol style="list-style-type: none"> 1. Активное участие в судьбе детей принимают животные: <ul style="list-style-type: none"> • ворон, ядовитая змея, сокола, волк по кличке Серый помещик – враждебны детям⁴ • собака Травка – представитель «доброй природы» - верно служит человеку 2. Есть зачин, как в народной сказке 3. Природные образы: сосна и ель, ёлочки-старушки, Лежачий камень 4. Волшебный камень – лежачий камень. На нём не написано: «Направо пойдёшь – коня потеряешь. Налево пойдёшь – сам пропадёшь». Но именно во время отдыха на камне встаёт перед детьми проблема выбора пути. 5. Добро побеждает зло. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. События имеют реальную основу: конкретная история осиротевших во время войны детей, которым трудно жилось, но они дружно трудились и помогали друг другу и людям, чем могли. 2. Подробное описание жизни детей и их самих (главы 1,2)

Итоги урока.

«Сказка-быль» – это жанровое определение произведения. Сказка – это повествование, основанное на вымысле. Быль – это история о том, что действительно было. Пришвин подчёркивает, что в его произведении вымысел переплетается с реальностью. Автор хочет, чтобы читатели воспринимали это повествование не просто как историю о двух детях, которые заблудились. Автор хочет, чтобы читатели почувствовали обобщающий характер этого произведения.

Домашнее задание.

Приготовить характеристику героев (1 вариант – Насти, 2 вариант – Митраши) по плану:

1. Портрет.
2. Черты характера.
3. Отношение друг к другу.
4. Авторская характеристика героев.